

Александр Блок

Александр Александрович Блок

Том 3. Стихотворения и поэмы 1907–1921

(Собрание сочинений в девяти томах #3)

Настоящее собрание сочинений А. Блока в восьми томах является наиболее полным из всех ранее вышедших. Задача его — представить все разделы обширного литературного наследия поэта, — не только его художественные произведения (лирику, поэмы, драматургию), но также литературную критику и публицистику, дневники и записные книжки, письма.

В третий том собрания сочинений вошла Третья книга стихотворений (1907–1916), стихотворения, не вошедшие в основное собрание 1909–1921 годов и стихотворные переводы.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Стихотворения. Книга третья (1907–1916) . . .	0008
Страшный мир (1909–1916)	0008
Возмездие (1908–1913)	0073
Ямбы (1907–1914)	0092
Итальянские стихи (1909)	0102
Разные стихотворения (1908–1916)	0126
Арфы и скрипки (1908–1916)	0162
Кармен (1914)	0222
Соловьиный сад	0232
Родина (1907–1916)	0240
О чем поет ветер (1913)	0276
Возмездие	0284
Пролог	0284
Первая глава	0287
Вторая глава	0325
Третья глава	0329
Двенадцать	0348
Скифы	0365
Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1909–1921)	0371
Разные стихотворения	0371
Стихотворные переводы	0389
Гейне. Опять на родине	0389
Гейне. «Когда-то в этом зале...»	0398
Гейне. «Я в старом сказочном лесу!...»	0398

Гейне. «Вот май опять повеял...»	0401
Гейне. «Тихо сердца глубины...»	0402
Гейне. «Только платьем мимоходом...» . . .	0402
Гейне. «Гуляю меж цветами...»	0403
Гейне. «Как луна дрожит на лоне...»	0403
Гейне. «Альянс священный прочно...» . . .	0404
Гейне. «Опять воскрешает мне память...»	0405
Гейне. «Своим письмом напрасно...»	0406
Гейне. Пролог	0406
Аветик Исаакян. Моей матери	0407
Аветик Исаакян. «Ал-злат наряд — мой детка рад...»	0409
Аветик Исаакян. «Был на Аразе у меня баштан...»	0410
Аветик Исаакян. «Быстролетный и черный орел...»	0411
Аветик Исаакян. «Во долине, в долине Сално́ боевой...»	0412
Аветик Исаакян. «Под алмазным венцом...»	0413
Аветик Исаакян. «Уж солнце за вершиной гор...»	0414
Аветик Исаакян. «Караван мой бренчит и плетется...»	0415
Аветик Исаакян. «Издадека в тиши ночной...»	0416
Аветик Исаакян. «Я увидел во сне: колыхаясь, виясь...»	0416

Аветик Исаакян. «Да, я знаю всегда — есть чужая страна...»	0417
Аветик Исаакян. «Видит лань — в воде...»	0418
Аветик Исаакян. «Словно молнии луч, словно гром из туч...»	0418
Аветик Исаакян. «От алой розы, розы любви...»	0420
Аветик Исаакян. «Не глядись в черный взор...»	0421
Аветик Исаакян. «Снилось мне — у соленой волны...»	0422
Аветик Исаакян. «Ночью в саду у меня...»	0423
Аветик Исаакян. «В разливе утренних лучей...»	0423
Аветик Исаакян. «Схороните, когда я умру...»	0424
Плудонис. Реквием	0425
Финские поэты	0430
Сем Бенелли. Рваный плащ	0443
Шекспир. Песенка Дездемоны	0445
Шиллер. Брут и Цезарь Отрывок	0446
Шуточные стихи и сценки	0448
Автопародии	0448
«Укрощение строптивой»	0450
Сцена из исторической картины «Всемирная литература»	0458
Enjambements	0464
Стихи о предметах первой необходимости	

0464

Продолжение «Стихов о предметах первой
необходимости» 0466

«Хотел я, воротясь домой...» 0468

«Как всегда, были смешаны чувства...» . . . 0468

Приложения 0470

Из примечаний к сборнику «Снежная ночь» . . .
0470

К поэме «Возмездие» 0471

К поэме «Двенадцать» 0540

Переводы из Гейне, отредактированные А.

Блоком 0542

**Александр Александрович
Блок**

**Собрание сочинений в
деяти томах**

**Том 3. Стихотворения и
поэмы 1907–1921**

Стихотворения. Книга третья (1907–1916)

Страшный мир (1909–1916)

К музе

*Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священ-
ных,
Поругание счастья есть.*

*И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...*

*И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.*

*Зла, добра ли? — Ты вся — не от-
сюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.*

Для меня ты — мученье и ад.

*Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?*

*Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звезда-
ми —
Всё проклятье своей красоты?*

*И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...*

*И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как по-
лынь!*

29 декабря 1912
«Под шум и звон однообразный...»

*Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету*

*Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.*

*Я обрываю нить сознанья
И забываю, что́ и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.*

*Что́, если я, замороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой уничтоженный, —
Ты можешь ли меня простить?*

*Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?*

*Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?*

2 февраля 1909
«В эти желтые дни меж домами...»

*В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигает глазами*

И скрываешься в темный тупик...

*Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!*

*Ночи зимние бросят, быть мо-
жет,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой
кинжал!*

6 октября 1909

«Из хрустального тумана...»

*Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).*

*Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туман-
ный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.*

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909
Двойник («Однажды в октябрьском
тумане...»)

Однажды в октябрьском тумане

Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — от улыбнулся нахально,

*И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?*

Октябрь 1909

Песнь Ада

*День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.*

*Меня там нет. Тропой подземной
ночи
Схожу, скользя, уступом скольз-
ких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые
очи.*

*Я на земле был брошен в яркий
бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.*

*Где спутник мой? — О, где ты, Бе-
атриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит*

обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин
трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор,
иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас неж-
ный — скупю
Сорвется с уст; здесь умерли сло-
ва;
Здесь стянута бессмысленно и
тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то неж-
но, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безна-
дежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный ку-
мир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страш-
ный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой
сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная же-
на,
И наглый свет застал их в мерз-
кой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелу-
ем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы
ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной
обман,
И я смотрю, предчувствием вол-
нуем,

В глубь зеркала сквозь утренний
туман.
Навстречу мне, из паутины мра-
ка,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице
фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце — знак таинственного
брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волнением непо-
нятным
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внят-
ным:
«Скажи, за что томиться дол-
жен ты
И по кругам скитаться невоз-
вратным?»

Пришли в смятенье тонкие чер-
ты,
Сожженный рот глотает воздух
жадно,

И голос говорит из пустоты:

*«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.*

*Едва наш город скроется во
мгле, —
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,*

*Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:*

*Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!*

*В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,*

*Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный
крик!*

*Так этот миг настал, неожиданно
скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер
мглист.
И странно встали в небе метеоро-
ры.*

*И был в крови вот этот аме-
тист.
И пил я кровь из плеч благоухан-
ных,
И был напиток душен и смо-
лист...*

*Но не кляни повествований
странных
О том, как длился непонятный
сон...
Из бездн ночных и пропастей ту-
манных*

*К нам доносился погребальный
звон;*

Язык огня взлетел, свистя, над
нами,
Чтоб сжечь ненужность прерван-
ных времен!

И — сомкнутых безмерными це-
пями —
Нас некий вихрь увлек в подзем-
ный мир!
Окованный навек глухими снами,

Дано ей чують боль и помнить
пир,
Когда, что ночь, к плечам ее ат-
ласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать
ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучаст-
ным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безна-
чальной, —
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спаль-
ной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и пе-
чально,

Вонзить свой перстень в белое
плечо!»

31 октября 1909
«Поздней осенью из гавани...»

*Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.*

*В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.*

*И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...*

*А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...*

*В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?*

14 ноября 1909

На островах

*Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.*

*Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с
ней.*

*Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как
снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?*

*Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.*

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчатся в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной
ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909
**«С мирным счастьем покончены
счеты...»**

*С мирным счастьем покончены
счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.*

*Жизнь пустынна, бездомна, без-
донна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюблен-
ной
Тот, сквозь ночь пролетевший,
мотор.*

11 февраля 1910
«Седые сумерки легли...»

*Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.*

*Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.*

11 февраля 1910
«Дух пряный марта был в лунном

круге...»

*Дух пряный марта был в лунном
круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то
ног.*

*Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп ко-
ня —
Венгерский танец в небесной чер-
ни
Звенит и плачет, дразня меня.*

*А шалый ветер, носясь над да-
лью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...*

*И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь всту-
пая,
Безумно плачет о прошлых снах.*

6 марта 1910.

Часовня на Крестовском острове
В ресторане

*Никогда не забуду (он был, или не
был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное
небо,
И на желтой заре — фонари.*

*Я сидел у окна в переполненном
зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бока-
ле
Золотого, как небо, аи.*

*Ты взглянула. Я встретил сму-
щенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно
резко
Ты сказала: «И этот влюблен».*

*И сейчас же в ответ что-то гря-
нули струны,
Истукленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презре-*

нием юным,
Чуть заметным дрожаньем ру-
ки...

Ты рванулась движеньем испуган-
ной птицы,
Ты прошла, словно сон мой лег-
ка...
И вздохнули духи, задремали рес-
ницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры
бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка
плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910
**Демон («Прижмись ко мне крепче и
ближе...»)**

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чу-
жих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

*В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.*

*На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.*

*И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...*

*И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...*

*Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.*

19 апреля 1910
«Как тяжело ходить среди людей...»

Там человек сгорел.
Фет

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.*

*И, взглядываясь в свой ночной кош-
мар,
Строй находить в нестройном
вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искус-
ства
Узнали жизни гибельный пожар!*

10 мая 1910

«Я коротаю жизнь мою...»

*Я коротаю жизнь мою.
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.*

*Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..*

*Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...*

17 сентября 1910

«Идут часы, и дни, и годы...»

*Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...*

Там кто-то машет, дразнит светом

*(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).*

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.

*Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,*

*Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший
ужас —*

Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —

*Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...*

*И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)*

*И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: Ессе ното![1]
Меч выпал. Дрогнула рука...*

*И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных
жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.*

*Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: Нет, я не слуга.
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!*

4 октября 1910

Унижение

*В черных сучьях деревьев обнажен-
ных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).*

*Красный штоф полинялых дива-
нов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стака-
нов,
Купчик, шулер, студент, офицер...*

*Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...*

*Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверь-
ми...
Разве дом этот — дом в самом
деле?
Разве так суждено меж людьми?*

Разве рад я сегодняшней встрече?

Что ты ликом бела, словно
плат?

Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном за-
кате

Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замо-
гильный...

Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и
пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на
ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстраш-
ней!

Я — не муж, не жених твой, не
друг!

Так вонзай же, мой ангел вчераш-
ний,
В сердце — острый французский
каблук!

6 декабря 1911

Авиатор

*Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.*

*Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...*

*Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...*

*Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...*

А здесь, в колеблющемся зное,

*В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...*

*Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!*

*Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...*

*И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!*

*Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...*

*Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продаж-
ной*

Поднять к тебе фиалки глаз?

*Или восторг самозабвения
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?*

*Иль отравил твой мозг несчаст-
ный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?*

1910 — январь 1912
**«Повеселясь на буйном
пире...»**

Моей матери

*Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.*

*Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветр ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...*

*Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой
скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».*

6 января 1912

Пляски смерти

1

*Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притво-
ряться!
Но надо, надо в общество вти-
раться,
Скрывая для карьеры лязг ко-
стей...*

*Живые спят. Мертвец встает из
гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в се-
нат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.*

*Мертвец весь день трудится над
докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,*

Сенатору скабресный анекдот...

*Уж вечер. Мелкий дождь зашле-
пал грязью*

*Прохожих, и дома, и прочий
вздор...*

*А мертвеца — к другому безобра-
зью*

*Скрежещущий несет таксомо-
тор.*

*В зал многолюдный и многоко-
лонный*

*Спешит мертвец. На нем — изящ-
ный фрак.*

*Его дарят улыбкой благосклон-
ной*

Хозяйка — дура и супруг — дурак.

*Он изнемог от дня чиновной ску-
ки,*

*Но лязг костей музыкой заглу-
шон...*

*Он крепко жмет приятельские
руки —*

*Живым, живым казаться должен
он!*

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в
этом зале». —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не
приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором
страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой
любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

*И острый яд привычно-светской
злости
С нездешней злостью расточает
он...
«Как он умен! Как он в меня влюб-
лен!»*

*В ее ушах — нездешний, странный
звон:
То кости лязгают о кости.*

19 февраля 1912

2

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.*

*Умрешь — начнешь опять снача-
ла
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

10 октября 1912

3

*Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.*

*А перед шкапом с надписью
Уенера[2],
Хозяйственно согнув скрипучие
колена,*

*Скелет, до глаз закутанный пла-
щом,
Чего-то ищет, скалясь черным
ртом...*

*Нашел... Но ненароком чем-то
звякнул,
И череп повернул... Аптекарь
крякнул,*

*Привстал — и на другой свалился
бок...
А гость меж тем — заветный пу-
зырек*

*Сует из-под плаща двум женици-
нам безносым
На улице, под фонарем белёсым.*

Октябрь 1912

4

*Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?*

Там — лишь черная вода,
Там — забвеньё навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвеньё навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

«Миры летят. Годы летят. Пустая...»

Миры летят. Годы летят. Пустая
Вселенная смотрит в нас мраком
глаз.

А ты, душа, уставшая, глухая,
О счастье твердишь, — который
раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?

Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, гибели души?

Что счастье? Короткий миг и
тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неиз-
вестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность
миновала...
Но в этот самый миг — опять
толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится

волчок!

*И, уцепясь за край скользящий,
острый,
И слушая всегда жужжащий
звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене
пестрой
Придуманых причин, про-
странств, времен...*

*Когда ж конец? Назойливому зву-
ку
Не станет сил без отдыха вни-
мать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай
мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.*

2 июля 1912
**«Осенний вечер был. Под звук дождя
стеклянный...»**

*Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: Ленора.
Эдгар По*

*Осенний вечер был. Под звук до-
ждя стеклянный*

Решал всё тот же я — мучитель-
ный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и
туманный,
Вошел тот джентльмен. За
ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость
устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель
еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора сми-
риться, со: р».

«Но в старости — возврат и юно-
сти, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво
прервал:
«Она — всё та ж: Линор безумно-
го Эдгара.
Возврата нет. — Еще? Теперь я
всё сказал».

И странно: жизнь была — востор-
гом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чу-
жим наедине —

*Под этим деловым, давно спокой-
ным взглядом,
Представилась она гораздо проще
мне...*

*Тот джентльмен ушел. Но пес со
мною бесшумно.
В час горький на меня оставит
добрый взор,
И лапу жесткую положит на ко-
лено,
Как будто говорит: Пора сми-
риться, со: р.*

2 ноября 1912

«Есть игра: осторожно войти...»

*Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.*

*Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный
взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.*

А другой — точно сразу поймет:

*Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство рас-
тет.*

*Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.*

*Не корысть, не влюбленность, не
месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные сыщики есть.*

*Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.*

*Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом
из нас
Неизвестных, играющих сил...*

О, тоска! Через тысячу лет

*Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Грозовые раскаты в тиши...*

*А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...*

18 декабря 1913
«Как растет тревога к ночи!..»

*Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.*

*Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?*

*Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрип-
кой,
Монотонной и певучей!*

Вновь я буду пить вино!

*Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.*

30 декабря 1913
**«Ну, что же? Устало заломлены
слабые руки...»**

*Ну, что же? Устало заломлены
слабые руки,
И вечность сама загляделась в по-
гасшие очи,
И муки утихли. А если б и были
высокие муки, —
Что нүжды? — Я вижу печальное
шествование ночи.*

*Ведь солнце, положенный круг
обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано
всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это
сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь
ты — не царица.*

*Царем я не буду: ты власти меч-
ты не делила.
Рабом я не стану: ты власти зем-
ли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет
могила
Сырые объятия, — тащиться без
важного дела...*

*Но я — человек. И, паденье свое
признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё
сильнее.
То ревность по дому, тревогою
сердце снедая,
Твердит неотступно: Что дела-
ешь, делай скорее.*

21 февраля 1914
Жизнь моего приятеля

1

*Весь день — как день: трудов ис-
полнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.*

Волнуешься, — а в глубине покор-

ный:

Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной
и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж морозный мрак засмот-
рится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страш-
ная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысленность всех дел, безра-
достность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так неж-
но горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие
простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы
глухие,

Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза
пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках
простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная
усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь?
Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,

*Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.*

*Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.*

*То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.*

30 декабря 1913

3

*Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.*

*Был в чаду, не чуя чада,
Утешался мукой ада,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...*

*Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.*

Хватать-похватать, — а сердца нет.

*Сердце — крашенный мертвец,
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.*

30 декабря 1913

4

*Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.*

*А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.*

*Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.*

*Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!*

30 декабря 1912

5

*Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в ка-
бак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в
омут».*

*«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».*

*«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»*

*И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близь меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.*

30 декабря 1913

6

День проходил, как всегда:

В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (поклонники
Пушкина)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(Из Надсона и символистов).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушённый чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на
стол...
После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорва-
тов
Рассказывал долго.
Критик, громя футуризм,
Символизмом шпынял,
Заклучив реализмом.

*В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под
пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.*

*От с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...*

*И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...*

Нет, очнешься порой,

*Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — не луч-
ше ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?*

24 мая 1914

7

Говорят черти:

*Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицы колдуют
Твои греховные стихи.*

*На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.*

*Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи*

Шепча заветное «аминь».

*Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в испугленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных,
нас.*

*И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...*

10 декабря 1915

8

Говорит смерть:

*Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.*

*Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.*

*Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот*

*Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.*

*Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.*

*С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.*

10 декабря 1915

Черная кровь

1

*В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.*

*Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскор-
бить!*

*Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко —
гроза...*

Взор мой горит у тебя на щеке,

Трепет бежит по дрожащей руке...

*Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!*

*Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий
твой взор!*

*Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!*

2 января 1914

2

*Я гляжу на тебя. Каждый демон
во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...
И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отворотить, и не
сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!*

22 марта 1914

3

*Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.*

*Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощерись ты...*

30 января 1914

4

*О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с
тобой
В объятия страшные. Чтоб долго
длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся
руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во
тьме ночной!*

*Я слепнуть не хочу от молнии
грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неисто-*

вые звуки!),
Ни испытать прибор неизречен-
ной скуки,
Зарывшись в пепел твой горячей
головой!

Как первый человек, божествен-
ным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег
рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив
яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядови-
тый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю,
зная,
Что твой змеиный рай — бездон-
ной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровля-
ми громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раская-
ние — прочь!

Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется
только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проник-
нет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет ни-
когда,
Когда ты крикнешь: Да!

29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...

*И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.*

2 января 1914

7

*Ночь — как века, и томный тре-
пет,
 И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый
свет.*

*Несбыточные уверенья,
 Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...*

*Тогда — во взгляде глаз уста-
лом —
 Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!*

27 декабря 1913

8

*Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!*

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый
глаз,
На кольцо — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый
клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мгливой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

*Далекие, влажные доли
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.*

*Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!*

13 марта 1910

**Демон («Иди, иди за мной —
покорной...»)**

*Иди, иди за мной — покорной
И верною моею работой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.*

*Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.*

*Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.*

*И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.*

*Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?*

*Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —*

*Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.*

*И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...*

*Дрожь от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,*

Я улыбнусь тебе: лети.

*И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...*

9 июня 1910

Голос из хора

*Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!*

*Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!*

*Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!*

*И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.*

*Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...*

*Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кри-
чать,
Как камень, канет...*

*Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!*

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

Возмездие (1908–1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

*О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.*

*Но час настал, и ты ушла из до-
му.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.*

*Летели дни, крутясь проклятым
роем...
Вино и страсть терзали жизнь
мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость
свою...*

*Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завер-
нулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.*

*Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ
твой синий,
В котором ты в сырую ночь
ушла...*

*Уж не мечтать о нежности, о
славе,
Всё миновалось, молодость про-
шла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.*

30 декабря 1908

Забывшие тебя

*И час настал. Свой плащ скрути-
ло время,
И меч блеснул, и стены разо-
шлись.
И я пошел с толпой — туда, за
всеми,
В туманную и злую высь.*

*За кручами опять открылись кру-
чи,
Народ роптал, вожди лишились
сил.*

Навстречу нам шли грозовые тучи,

Их молний снап дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность

мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908
«Она, как прежде, захотела...»

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жильё.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен

И вечной ночи не боюсь...

*Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...*

30 июля 1908

**«Ночь — как ночь, и улица
пустынна...»**

*Ночь — как ночь, и улица пусты-
нна.*

*Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?*

*Лишь сырая каплет мгла с карни-
зов.*

*Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.*

*Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.*

*И который раз в руках сжимают
Пистолет!*

И который раз, смеясь и плача,

*Вновь живут!
День — как день; ведь решена зада-
ча:*

Все умрут.

4 ноября 1908

**«Я сегодня не помню, что было
вчера...»**

*Я сегодня не помню, что было вче-
ра,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.*

*Но все ночи и дни наплывают на
нас
Перед смертью, в торжествен-
ный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.*

3 февраля 1909

На смерть младенца

Когда под заступом холодным

*Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.*

*Пусть эта смерть была понят-
на —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.*

*Уже с угрозой сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...*

*Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.*

*Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над блажен-
ным,
Скорбеть я буду без Тебя.*

Февраль 1909
«Когда я прозревал впервые...»

*Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.*

*Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.*

*Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех без-
зубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!*

Март 1909
«Дохнула жизнь в лицо могилой...»

*Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздох-
нуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:*

*Поц, поц свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презре-
нья*

Людские отравлять сердца.

Март 1909
«Когда, вступая в мир огромный...»

Евг. Иванову

*Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол тем-
ный
И смерти ждешь из темноты;*

*Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!*

*Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —*

*Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томле-
нья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.*

Март 1909

М «Весенний день прошел без дела...»

*Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.*

*Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.*

*Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускаться на окна што-
ры?
День догорел в душе давно.*

Март 1909

М «Какая дивная картина...»

*Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!*

*Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;*

*И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;*

*Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Беспольный гимн безмужних дев;*

*И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплод-
ных
Тихонько тлеет жизнь моя!*

Март 1909

«Ты в комнате один сидишь...»

*Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.*

*Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь — откройся.*

*Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!*

Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возврат-
ный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

«Кольцо существования тесно...»

*Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.*

*И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.*

Июнь 1909

«Чем больше хочешь отдохнуть...»

*Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь
страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...*

*Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
Одно, одно —
Уснуть, уснуть...*

*Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.*

27 августа 1909

Шаги командора

В.А. Зоргенфрею

*Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что́ теперь твоя постылая сво-
бода,
Страх познавший Дон-Жуан?*

*Холодно и пусто в пышной спаль-
не,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнако-
мой, дальней
Слышно пенье петуха.*

*Что́ изменнику блаженства зву-
ки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на
сердце руки,
Донна Анна видит сны...*

Чьи черты жестокие застыли,

В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?

Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —

В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,

Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,

Словно хриплый бой ночных часов —

Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.

*В пышной спальне страшно в час
рассвета,
 Слуги спят, и ночь бледна.*

*В час рассвета холодно и стран-
но,
 В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
 Анна! Анна! — Тишина.*

*Только в грозном утреннем ту-
мане
 Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой
встанет.
 Анна встанет в смертный
час.*

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912
«Мой бедный, мой далекий друг!..»

*Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессон-
ной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,*

*И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?*

29 декабря 1912

**«Как свершилось, как
случилось?...»**

*Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.*

*Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.*

*Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!*

Ощетинившейся мстью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,
В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мсти-
тель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.

Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нéжить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1912

Ямбы (1907–1914)

Fecit indignacio versum.
Juven. Sat. I, 79[3]

Посвящается памяти моей покойной
сестры
Ангелины Александровны Блок

«О, я хочу безумно жить...»

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжё-
лый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

5 февраля 1914

«Я ухо приложил к земле...»

*Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном ду-
шу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хрипый го-
лос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.*

3 июня 1907

«Тропами тайными, ночными...»

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пы-
лью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

«В голодной и больной неволе...»

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздыхнет униженный народ?

*Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром,
злаки:
Пора цветенья началась.*

*Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.*

15 февраля 1909
«Не спят, не помнят, не торгуют...»

*Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.*

*Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страда-
нием
Трезвонят до потери сил...*

*Над мировую чепуху;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.*

30 марта 1909
Ревель

«О, как смеялись вы над нами...»

*О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят све-
ты...*

*Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...*

Январь 1911
«Я — Гамлет. Холодеет кровь...»

*Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,*

*И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.*

*Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.*

6 февраля 1914

«Так. Буря этих лет прошла...»

*Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...*

*И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет:
встань...
И я целую богомольно
Ее невидимую тканьь...*

*И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...*

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...*

Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909
«Да. Так диктует вдохновенье...»

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —

Дням настоящим молвив: нет!

Сентябрь 1911 — 7 февраля 1914

«Когда мы встретились с тобой...»

*Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни воль-
ной!) —*

*Над черной Вислой — черный
бред...*

Как скучно, холодно и больно!

Когда б из памяти моей

Я вычеркнуть имел бы право

Сырой притон тоски твоей

И скуки, мрачная Варшава!

Лишь ты, сестра, твердила мне

Своей волнующей тревогой

О том, что мир — жилище бога,

О холоде и об огне.

1910 — 6 февраля 1914

**«Земное сердце стынет
ВНОВЬ...»**

*Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.*

*Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.*

*Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.*

*Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лю-
той!
Уюта — нет. Покоя — нет.*

1911 — 6 февраля 1814
«В огне и холоде тревог...»

*В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним
оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.*

*Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.*

И все, как он, оскорблены

*В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.*

*Пусть день далек — у нас всё те же
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.*

*Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дрем-
лют;
Так точно — черный бриллиант*

*Спит сном неведомым и стран-
ным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.*

1910 — 6 февраля 1914

Итальянские стихи (1909)

*Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile
tempus*

*Heu propius tacito mors venit ipsa pede.[4]
Надпись под часами в церкви Santa
Maria Novella (Флоренция)*

Равенна

*Всё, что минутно, всё, что брен-
но,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.*

*Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.*

*От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.*

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Гал-
лы,
Проснувшись, камня не прожесг.

Военной брани и обиды
Забут и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной ла-
тыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взо-
ре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

*Лишь по ночам, склонясь к доли-
нам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.*

М^{ай-июнь 1909}

«Почитет в мире Теодорих...»

*Почитет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.*

*Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!*

И^{юнь 1909}

Девушка из Spoleto

*Строен твой стан, как церковные
свечи.
Взор твой — мечами пронзающий
взор.*

Дева, не жду ослепительной
встречи —
Дай, как монаху, взойти на ко-
стер!

Счастья не требую. Ласки не на-
до.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за
ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люб-
лю!

Мимо, всё мимо — ты ветром го-
нима —
Солнцем палима — Мария! Поз-
воль
Взору — прозреть над тобой херу-
вима,
Сердцу — изведать сладчайшую
боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный ал-
маз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих
глаз.

3 июня 1909

Венеция

1

*С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...*

*О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!*

*Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...*

*Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!*

9 мая 1909

2

Евг. Иванову

*Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.*

*Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.
На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.*

*В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.*

*Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный
мрак.*

Август 1909

3

*Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат чер-
ный
О жизни будущей поет.*

*Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?*

И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок
дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, —
живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива

Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

Перуджия

*День полувеселый, полустрадный,
Голубая даль от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветер
прохладный,
За окном открытым — громкий
хор.*

*Там — в окне, под фреской Перуд-
жино,
Черный глаз смеется, дышит
грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...*

*На корзине — белая записка:
«Questa sera[5]...монастырь Фран-
циска...»*

Июнь 1909

Флоренция

1

*Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,*

В час смерти буду не с тобой!

*О, Bella[6], смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!*

*Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!*

*Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!*

*Ты пышных Мэдишей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!*

*Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтаж-
ный —
Сгинь в очистительных веках!*

Май-июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

О, сладко вспомнить безнадеж-
ность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в неж-
ность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятеж-
ной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплечь велит все реки

*На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубую
Унесет меня волной...*

Июнь 1909

4

*Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.*

Июнь 1909

5

*Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узор-
ном
И с улыбкой на смуглом лице.*

А вино уж мутит мои взоры

*И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, си-
ньора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко
спалось?*

Июнь 1909

6

*Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.*

*Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.*

17 мая 1909

7

*Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...*

*Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...*

*И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.*

*Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...*

*Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..*

*Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...*

Август 1909

«Вот девушка, едва развившись...»

*Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сет-
тиньяно,
У выветрившегося камня Септи-
мия Севера.
Смотрел бы я на камни, залитые
солнцем,
На красивую загорелую шею и спи-
ну
Некрасивой женщины под дрожа-
щими тополями.*

15 мая 1909
Settignano

Madonna Da Settignano

*Встретив на горном тебя перева-
ле,*

*Мой прояснившийся взор
Понял тосканские пыльные дали
И очертания гор.*

*Желтый платок твой разубран
цветами —
Сонный то маковый цвет.*

*Смотришь большими, как небо,
глазами
Бедному страннику вслед.*

*Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя,
Мария,
Здесь, на чужой стороне?*

З июня 1909

Фьезоле

*Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долин-
ный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...*

*Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьэзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию заметил с гор?*

Июнь 1909

Сиена

*В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,*

Башни — свечи божества.

*О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!*

*От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!*

*И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:*

*Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..*

7 июня 1909

Сиенский собор

*Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора*

Свой натруженный взор склони.

*Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.*

*Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.*

*Вот — мальчик над цветком и с
птицей,
Вот — муж с пергаментом в ру-
ках,
Вот — дряхлый старец над гроб-
ницей
Склоняется на двух клюках.*

*Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви.*

Июнь 1909
«Искусство — ноша на плечах...»

Искусство — ноша на плечах,

Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах
кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском
блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего снѣга! [7]
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелест-
ной!..

Июнь 1909
Foligno

«Глаза, опущенные скромно...»

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти

ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело
.....
.....
.....

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквах она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздохатель тайный
Красы божественной — поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескром-

ный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюблен-
но
В твою ласкающую высь!

12 июня 1909

Благовещение

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый
взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шел-

ками,
Но везде — сквозь золото рес-
ниц —
Вихрь ли с многоцветными кры-
лами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой вет-
вью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна
красы!»
И она дрожит пред страстной ве-
стью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, бли-
же,
Уж над ней — шумящих крыл ша-
тер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший
взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вдох-
нуть...

*И тогда — незнанию болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит
тельца.*

*Лишь художник, занавесью скры-
тый, —
От провидит страстной муки
крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est[8]».*

Май-июнь 1909
Perudgia — Spoleto

Успение

*Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.*

*Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.*

*Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,*

*И над туманами долины
Встают усопших три царя.*

*Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.*

*И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.*

*А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в
даль.*

4 июня 1909

Spoletto

Эпитафия Фра Филиппо Липпи

Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

Здесь я покоюсь, Филипп, живопи-

сец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у
всех на устах.

Душу умел я вдохнуть искусными
пальцами в краски,
Набожных души умел — голосом
бога смутить.

Даже природа сама, на мои загля-
девшись созданья,
Принуждена меня звать масте-
ром равным себе.

В мраморном этом гробу меня
упокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в измен-
ный прах обращусь.

17 марта 1914

Разные стихотворения (1908–1916)

За гробом

*Божья мать Утоли моя печали
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...*

*Был он только литератор мод-
ный,
Только слов кощунственных тво-
рец...
Но мертвец — родной душе народ-
ной:
Всякий свято чтит она концец.*

*И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный
лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...*

*И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венок случайный за венком...*

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...
Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть ти-
ха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

Друзьям

Молчите, проклятые струны!
А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый ста-
рался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что́ делать! Изверившись в сча-
стье,

*От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!*

*Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!*

*Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...*

*Вот только замучит, прокля-
тый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...*

*Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...*

*Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!*

Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

Поэты

*За городом вырос пустынный
квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый
встречал
Другого надменной улыбкой.*

*Напрасно и день светозарный
вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвя-
щал
Вину и усердным работам.*

*Когда напивались, то в дружбе
клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запер-
шись,
Работали тупо и рьяно.*

*Потом вылезали из будок, как
псы,
Смотрели, как море горело.*

И золотом каждой прохожей ко-
сы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке зла-
том,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым
цветком,
Над маленькой тучкой жемчуж-
ной...

Так жили поэты. Читатель и
друг!
Ты думаешь, может быть, — ху-
же
Твоих ежедневных бессильных по-
туг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой кри-
тик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,

*А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!*

*Пускай я умру под забором, как
пес,
Пусть жизнь меня в землю втоп-
тала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!*

24 июля 1908
«Когда замрут отчаянье и злоба...»

*Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы
оба*

На разных полюсах земли.

*Ты обо мне, быть может, гре-
зишь в эти
Часы. Идут часы походкою столе-
тий,*

И сны встают в земной дали.

*И вижу в снах твой образ, твой
прекрасный,
Каким он был до ночи злой и
страстной,*

Каким являлся мне. Смотри:

*Всё та же ты, какой цвела ко-
гда-то,
Там, над горой туманной и зубча-
той,
В лучах немеркнувшей зари.*

1 августа 1908
«Ты так светла, как снег невинный...»

*Ты так светла, как снег невин-
ный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.*

*Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запозда-
лый,
В твой тихий терем постучу.*

*За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.*

8 ноября 1908
«Всё это было, было, было...»

Всё это было, было, было,

Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невой,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,

*И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?*

*Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!*

Август 1909

Сусальный ангел

*На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щел-
ку
Закрытых наглухо дверей.*

*А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.*

*Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...*

*Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...*

*А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...*

*Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!*

*Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...*

25 ноября 1909

Сон

Моей матери

*Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.*

*Чуть брежжит утро Воскресе-
нья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолей из чугуна.*

*И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.*

*Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...*

*И слышу, мать мне рядом шеп-
чет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». —*

*«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».*

20 июня 1910

Комета

*Ты нам грозишь последним ча-
сом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!*

Но будят ночь всё тем же гла-
сом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селе-
нья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла
крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павли-
ний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стре-
мят отныне
Полет — стада стальных стре-
коз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,

Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

**«Ты помнишь? В нашей бухте
сонной...»**

*Ты помнишь? В нашей бухте сон-
ной*

*Спала́ зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.*

*Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.*

*Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.*

*И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...*

*Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.*

*Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.*

*Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет стран-
ным,
Закутанным в цветной туман!*

1911 — 6 февраля 1914
Aber Wrach, Finistère

«Благословляю всё, что было...»

*Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!*

*Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой ску-
ке —
Я не утратил прежний свет.*

*И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдво-
ем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.*

*Глядят внимательные очи,
И сердце бьет, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.*

15 января 1912

Послания

Юрию Верховскому

(При получении «Идиллий и элегий»)

*Дождь мелкий, разговор неспеш-
ный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко греш-
ный —
Ведь так при встречах повелось?*

*Но вот — какой-то светлый ге-
ний
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.*

*И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.*

Мы посмеялись, пошутили,

*И всем придется, может быть,
Сквозь резовость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.*

Сентябрь 1910

**Валерию Брюсову
(При получении «Зеркала теней»)**

*И вновь, и вновь твой дух таин-
ственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единствен-
ной
Прильнуть и пить напиток твой.*

*Вновь причастись души неисто-
вой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...*

*Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится
грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!*

*Что жизнь пытала, жгла, ковер-
кала,*

*Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...*

*А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пушкой крыло души простреле-
но —
Кровь обагрит алтарь любви».*

20 марта 1912

**Владимиру Бестужеву
(Ответ)**

*Да, знаю я: пронзили ночь от века
Незримые лучи.
Но меры нет страданью челове-
ка,
Ослепшего в ночи!*

*Да, знаю я, что в тайне — мир
прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и
красен,
Как гнев, как месть, как
кровь!*

Ты ведаешь, что некий свет стру-

ится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте вет-
ра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной но-
чью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет
вошел он,
А луч сошел к нему.

23 марта 1912

Вячеславу Иванову

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран дале-
ких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,

*О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!*

*Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!*

*И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...*

*И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.*

*Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.*

*Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...*

*И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.*

*А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.*

18 апреля 1912

Анне Ахматовой

*«Красота страшна» — Вам ска-
жут, —*

*Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.*

*«Красота проста» — Вам ска-
жут, —*

*Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.*

*Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:*

*«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страш-
на».*

16 декабря 1913
«И вновь — порывы юных лет...»

*И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнен-
ний...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомне-
ний!*

*Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,*

*И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,*

*Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,*

И с миром утвердилась связь, —

*И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!*

19 июня 1912

Художник

*В жаркое лето и в зиму метель-
ную,
В дни ваших свадеб, торжеств,
похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку
смертельную
Легкий, доселе не слышанный
звон.*

*Вот он — возник. И с холодным
вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и
убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.*

*С моря ли вихрь? Или сирины рай-
ские
В листьях поют? Или время сто-*

ит?

Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел
летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в
грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, про-
клятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тя-
желая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

*Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.*

12 декабря 1913
**«О, нет! не расколдуешь сердца
ты...»**

*О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах
мечты.*

*И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая
в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь
тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.*

*Упоена красивыми мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами*

Могильный холм, приснившийся
тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороко-
вой —
Неузнанной, красивой, неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, та-
кой.

Когда же грусть твою погасит
время,
Захочешь жить, сначала робко,
ты
Другими снами, сказками не те-
ми...
И ты простой возжаждешь кра-
соты.

И он придет, знакомый, долго-
жданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоухан-
ный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой

новый друг,
В тот самый миг, когда твой
смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел
недуг.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет
огня;
И в этот час, под ласками чужи-
ми,
Припомнишь ты и призовешь —
меня!

Как исступленно ты протянешь
руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невоз-
можных,
Всю жизнь за то, что некого лю-
бить!
Но есть ответ в моих стихах
тревожных:
Их тайный жар тебе поможет
жить.

15 декабря 1913

Женщина

Памяти Августа Стриндберга

*Да, я извела все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...*

*Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!*

*Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.*

*И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.*

*Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..*

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы». —

«Цветы я в память встречи с ва-
ми
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)

*Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!*

Август 1914

Перед судом

*Что́ же ты потупилась в смущен-
ных?*

Погляди, как прежде, на меня.

*Вот какой ты стала — в униже-
ных,*

В резком, неподкупном свете дня!

*Я и сам ведь не такой — не преж-
ний,*

*Недоступный, гордый, чистый,
злой.*

*Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь зем-
ной.*

Я не только не имею права,

Я тебя не в силах упрекнуть

*За мучительный твой, за лука-
вый,*

*Многим женщинам сужденный
путь...*

Но ведь я немного по-другому,

Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая

*Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!*

11 октября 1915

Антверпен

*Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.*

*И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, до-
кам,
И пахнет снастью и смолой.*

*Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...*

*А ты — во мглу веков глядишь
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;*

*Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...*

Но всё — притворство, всё — обман:

*Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.*

5 октября 1914

«Похоронят, заруют глубоко...»

*Похоронят, заруют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.*

*Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там
осень,
Если бурно — там, значит, весна.*

*Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.*

*Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что́ под жизнью беспутной и
путной
Разумели людские умы.*

18 октября 1915
«На улице — дождик и слякоть...»

*На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.*

*Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка наколем лучины,
Раздуем себе самовар!*

*Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Сонливые очи твои.*

*За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!*

10 декабря 1915

**«Ты твердишь, что я холоден,
замкнут и сух...»**

*Ты твердишь, что я холоден, за-
мкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал
дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.*

*Ты и сам был когда-то мрачней и
смелей,
По звездам прочитатъ ты умел,
Что грядущие ночи — темней и
темней,
Что ночам неизвестен предел.*

*Вот — свершилось. Весь мир оди-
чал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания
звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.*

*И у тех, кто не знал, что прошед-
шее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и*

мечь,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и
детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою
тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую

*кровь,
Зажигая звериную страсть...*

*Не стучись же напрасно у плот-
ных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бед-
ных зверей,
Называвшихся прежде людьми.*

*Ты — железною маской лицо за-
крывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.*

9 июня 1916

Арфы и скрипки (1908–1916)

«Свирель запела на мосту...»

*Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.*

*Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстринь,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...*

*Смотри, какие быстринь,
Когда ты видел эти сны?..*

22 мая 1908
«Душа! Когда устанешь верить?...»

Душа! Когда устанешь верить?

*Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...*

*Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...*

*Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...*

26 марта 1908

«И я любил. И я изведал...»

*И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: враг; и слово: друг.*

*Их было много... Чтó я знаю?
Воспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.*

*Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,*

Одной безумной красотой,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и
пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908
«Май жестокий с белыми ночами!..»

Вл. Пясту

*Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,*

*С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!*

*Хорошо в лугу широком кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым
другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подру-
гам,
Страстью, грустью, счастьем
изойти, —
Но достойней за тяжелым плу-
гом
В свежих росах поутру идти!*

28 мая 1908

Три послания В

1

*Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...*

*Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые*

Неверный призрак корабля...

*И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный
вьюн...*

28 мая 1908

2

*Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.*

*Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.*

В легком сердце — страсть и беспечность,

*Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,*

Задыхаясь, летит рысак.

*Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...*

*Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...*

Страшный мир! Он для сердца те-

сен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мóрок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

Встречной

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайль-
да,

*Шотландский плэд, цветной жи-
лет...*

*Твой муж — презрительный эс-
тет.*

*Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!*

*Ты вероломством, лестью, ло-
жью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дро-
жью,
Была ли тайно влюблена?*

*И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?*

*И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд*

*Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?*

2 июня 1908

**Мэри
1**

*Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых прерий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.*

*Опять затепли свечи,
Украшь мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!*

*Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенесть!*

Жениха к последней двери
Проводив,
О нежданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко
Прожитой...
Спой о том, что не свершил он,
Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

*И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...*

*Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоём,
Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.*

17 июля 1908
**«Усните блаженно, заморские
гости, усните...»**

*Усните блаженно, заморские го-
сти, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьем-
ся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя сереб-
ристые нити,
Что пляшут в стакане вина золо-
тистые змеи...*

*Когда эти нити соткутся в бле-
стящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну
бесконечность,*

Поднимут, закрутят и бросят
ненужную клетку
В бездонную пропасть, в ка-
кую-то синюю вечность.

30 июля 1908

**«Я пригвожден к трактирной
стойке...»**

*Я пригвожден к трактирной
стойке.*

*Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...*

*Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...*

*В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь свет-
ло...*

*Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...*

*И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слыш-
на...*

*А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...*

26 октября 1908

**«Не затем величал я себя
паладином...»**

*Не затем величал я себя палади-
ном,
Не затем ведь и ты приходила ко
мне,
Чтобы только рыдать над по-
тухшим камином,
Чтобы только плясать при умер-
шем огне!*

*Или счастье вправду неверно и
быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и
стар?
Нет! В золе еще бродят последние
искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул по-
жар!*

30 декабря 1908

**«Часовая стрелка близится к
полночи...»**

Часовая стрелка близится к пол-

ночи.

*Светлою волною всколыхнулись
свечи.*

*Темною волною всколыхнулись
думы.*

*С Новым годом, сердце! Я люблю
вас тайно,*

Вечера глухие, улицы немые.

*Я люблю вас тайно, темная по-
друга*

*Юности порочной, жизни догорев-
шей.*

4 ноября 1908

«Старинные розы...»

*Старинные розы
Несу, одиноком,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропею,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода*

*Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег.
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.*

4 ноября 1908

«Уже над морем вечереет...»

*Уже над морем вечереет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.*

*Огни на мачтах зажигая,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.*

*Ты вся пленительна и лжива,
Вся — в отступающих огнях,*

*Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.*

*Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбеж-
ный —
Цветок влюбленности влести...*

*Обетование неложно:
Передо мною — ты опять.
Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.*

24 ноября 1908
«Всё б тебе желать веселья...»

*Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!*

*Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной бо-
лью,
Черным крыльем воронье!*

*Всё размучен я тобою,
Подколотная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!*

*Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!*

7 декабря 1908

«Я не звал тебя — сама ты...»

*Я не звал тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.*

*Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.*

*На траве, едва примятой,
Легкий след.*

*Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.*

*И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.*

7 декабря 1908

«Грустя и плача и смеясь...»

*Грустя и плача и смеясь,
Звонят ручьи моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.*

*Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?*

8 декабря 1908

«Опустись, занавеска линялая...»

*Опустись, занавеска линялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небыва-
лая,
Погаси, сомкни очи твои!*

*Ты ли, жизнь, мою горницу скуд-
ную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробуд-
ную
Зеленым отравляла вином!*

*Как цыганка, платками узорны-
ми
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами йссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!*

*Что рыдалось мне в шопоте, в
забытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без па-
мяти,
И ходила кругом голова...*

Спаленá моя степь, трава свáле-
на,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

30 декабря 1908

«Мой милый, будь смелым...»

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездюю
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

*И в мертвые очи
Друг другу глядеть.*

1 января 1909

**«Не венчал мою голову траурный
лавр...»**

*Не венчал мою голову траурный
лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Празднй слух был исполнен гро-
мами литавр,
Сердце — музыкой буйных стра-
стей.*

*Светлой ангельской лжи не зна-
вал я отрав,
Не бродил средь божественных
чащ.
Сон мой длился века, все виденья
собрал
В свой широкий, полунощный
плащ.*

*И когда вам мерцает обманчи-
вый свет,
Найдите — вновь он совется во
тьму.
Беззакатного дня, легковерные,*

нет.

Я ночного плаща не сниму.

19 января 1909

«Покойник спать ложится...»

Покойник спать ложится

На белую постель.

В окне легко кружится

Спокойная метель.

Пуховым ветром мчится

На снежную постель.

Снежинок легкий пух

Куда летит, куда?

Прошли, прошли года,

Прости, бессмертный дух,

Мятежный взор и слух!

Настало никогда.

И отдых, милый отдых

Легко прильнул ко мне.

И воздух, вольный воздух

Вздохнул на простыне.

Прости, крылатый дух!

Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909

«Уж вечер светлой полосой...»

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докуч-
ным
Меня обжог и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь, —
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь
вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший ми-
мо...
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

«Здесь в сумерки в конце зимы...»

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.

*«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.*

27 марта 1909

Через двенадцать лет

К.М.С.

1

*Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с гради-
рен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?*

*Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?*

Ты позови — она придет:

Мелькнет, как прежде, профиль
важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2

*В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой*

*Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.*

*Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,*

*Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.*

*В тѐнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,*

*В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,*

*Но за бурей страстных лет
Всѐ — как призрак, всѐ — как бред,*

*Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.*

Июнь 1909

3

*Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —*

*Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:*

*«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»*

Июнь 1909

4

*Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,*

*Встал он тихий, дождями омы-
тый,
Запеваает осой ядовитой,*

*Размечает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,*

*Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,*

*И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.*

1897–1909

Bad Nauheim

5

*Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта неволью льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...*

*И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...*

*О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...*

Июнь 1909

6

*В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.*

*Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.*

*Эта юность, эта нежность —
Что́ для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?*

*Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.*

23 марта 1910
Елагин остров

7

*Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера*

По арфам ветер пронесла...

*Твой очерк страстный, очерк
дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...*

*Когда внезапно вздох недалёкий,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...*

*Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий
дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: улетим.*

Март 1910

8

*Всё, что память сберечь мне ста-
рается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.
Жизнь давно сожжена и рассказа-
на,*

*Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.*

*И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовни-
цы
Над кадилом мечтаний сквозит.*

23 марта 1910

Утро в Москве

*Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.*

*Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.*

Июль 1909

**«Как прощались, страстно
клялись...»**

*Как прощались, страстно
клялись
В верности любви...*

*Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...*

*Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...*

*Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальняя сторона!*

*Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...*

5 сентября 1909
**«Всё на земле умрет — и мать, и
младость...»**

*Всё на земле умрет — и мать, и
младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сла-
дость,
Глядясь в холодный и полярный
круг.*

*Бери свой челн, плыви на дальний
полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый
край.*

*И к вздрагиваньям медленного
хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.*

7 сентября 1909

На смерть Коммиссаржевской

*Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый
край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.*

*Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,*

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.
Ушла. От всех великолений —
Вот только: крылья на заре.

Что́ в ней рыдало? Что́ боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что́ мы на этой тризне?
Что́ можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней

жизни,
Хоть погребальный факел — в
ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

Голоса скрипок

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгли-
вый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

На Пасхе

*В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.*

*На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.*

*Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!*

*Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!*

18 апреля 1910 — май 1914
«Когда-то гордый и надменный...»

*Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:*

«Спляши, цыганка, жизнь мою».

*И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...*

*То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...*

*О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и золото,
А пуще — смертная тоска.*

11 июля 1910
«Где отдается в длинных залах...»

*Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах, —
Там возникает хоровод.*

*Шурша, звеня, вясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабей,
Сдаются бешеным смычкам.*

*Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.*

*Не поднимай цветка: в нем сла-
дость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..*

*Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...*

19 июля 1910
«Сегодня ты на тройке звонкой...»

*Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...*

*Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...*

*Ямщик — будь он в поддевке тем-
ной*

*С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скром-
ной, —*

Не упускай его из глаз...

*Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,*

*И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...*

6 августа 1910

«В неуверенном, зыбком полете...»

*В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых
вниз.*

*Как ты можешь летать и кру-
житься
Без любви, без души, без лица?*

*О, стальная, бесстрастная пти-
ца,
Чем ты можешь прославить
творца?*

*В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гре-
мит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.*

Ноябрь 1910
**«Без слова мысль, волнение без
названья...»**

*Без слова мысль, волнение без на-
званья,*

*Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной
молнией знанья*

Глухой декабрьский мрак?

*Всё призрак здесь — и праздность,
и забота,*

И горькие года...

*Что б ни было, — ты помни,
вспомни что-то,*

Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю
мудрость века,
 Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отве-
ка
 Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийствен-
ных метаний,
 Сбивающих с пути,
Со знаньем несказанных очерта-
ний,
 Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

«Ветр налетит, завоюет снег...»

*Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный берег...
Но цвет увял, под снегом ник-
нет...*

*И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...*

Ночь, лес и снег. И я несу

*Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.*

6 января 1912

«Шар раскаленный, золотой...»

Борису Садовскому

*Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч
огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар дру-
гой.*

*Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...*

*И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.*

6 января 1912

**«Сквозь серый дым от краю и до
краю...»**

Сквозь серый дым от краю и до краю

Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,

Колокола —
О чем гласят с несбыточной верой?
Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,

Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912
«**Есть минуты, когда не тревожит...**»

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

*И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без
дна...*

*И над пропастью медленно вста-
нет*

Семицветной дугой тишина...

*И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.*

И ^{ЮЛЬ} 1912

«БОЛОТИСТЫМ ПУСТЫННЫМ ЛУГОМ...»

*Болотистым пустынным лугом
Летим. Одни.*

*Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.*

*Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...*

*Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.*

*Он морем ночи замкнут — даль-
ный*

*Простор лугов!
И запах горький и печальный*

Туманови духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,

*И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —*

*Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!*

Октябрь 1912

Испанке

*Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...*

*Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...*

*И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,*

Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Nandá* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

**«В небе — день, всех ночей
суеверней...»**

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не про-

шла...

*Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!*

Октябрь 1912

«В сыром ночном тумане...»

*В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул*

Испуганный мой конь...
«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!
В тумане да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

Седое утро

Утро туманное, утро седое...
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я — который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинута назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра

Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться бо-
ле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913
«Есть времена, есть дни, когда...»

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913
«Я вижу блеск, забытый мной...»

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его донныне узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда бывшее без следа

*Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастье.*

12 декабря 1913
«Ты говоришь, что я дремлю...»

*Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: люблю.*

*Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.*

*Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...*

*И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими*

*Твой южный блеск, забытый
мною,*

Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

**«Ваш взгляд — его мне
подстеречь...»**

*Ваш взгляд — его мне подсте-
речь...*

Но уклоняете вы взгляды...

*Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!*

*Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,*

*Тогда — угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый
взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,*

*К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.*

12 декабря 1913
«Натянулись гитарные струны...»

*Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом
юным —
Запоет!*

*И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!*

*И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...*

*Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!*

19 декабря 1913
**«Ты — буйный зов рогов
призывных...»**

Ты — буйный зов рогов призывных,

*Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.*

*Люблю тебя, как посох — стран-
ник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.*

*Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.*

Декабрь 1913
«Как день, светла, но непонятна...»

*Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.*

*Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.*

Но я, не вслушиваясь строго

*В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.*

*Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стих-
хи, —*

*Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила стра-
сти —
Ничто пред холодом ума!..*

20 февраля 1914

**«Петербургские сумерки
снежные...»**

*Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки неж-
ные,
А о чем — и сама не пойму.*

*Всё гляжусь в мое зеркало сон-
ное...
(Он, должно быть, глядится в ок-*

но...)

Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобраз-
ный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвяз-
ный!

15 марта 1914
«Смычок запел. И облак душный...»

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послуш-
ный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки

*Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...*

14 мая 1914

**«Ты жил один! Друзей ты не
искал...»**

*Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вон-
зал
В открытое для счастья серд-
це.*

*«Безумный друг! Ты мог бы счаст-
лив быть!..» —
«Зачем? Среди бурного нена-
стья
Мы, всё равно, не можем сохра-
нить
Неумирающего счастья!»*

26 августа 1914

«Превратила всё в шутку сначала...»

*Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.*

*И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыда-
ла,
Десять шпилек на стол уронив.*

*Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...*

*Что ж, пора приниматься за де-
ло,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?*

29 февраля 1916
 «Та жизнь прошла...»

*Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.*

*И выпал снег,
И не прогнать*

*Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.*

31 августа 1914
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»

*Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...*

*Что было любимо — всё мимо,
мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!*

31 августа 1914
«Разлетясь по всему небосклону...»

*Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.*

*Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...*

*Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...*

31 августа 1914

**«Он занесен — сей жезл
железный...»**

*Он занесен — сей жезл желез-
ный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной без-
дной
Среди сгущающейся тьмы.*

*Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.*

*И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое*

Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

«Пусть я и жил, не любя...»

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

«Протекли за годами года...»

*Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня нико-
гда...*

*Только встречным случайным я
был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий
пыл,
И она мне сказала: прости.*

*А душа моя — той же любовью
полна,
И минуты с другими отравлены
мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...*

30 сентября 1915

«За горами, за лесами...»

*За горами, за лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —*

Под другими цветешь небесами...

*И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнюю,
Вспоминаю с печалью нездешнюю
Всё былое мое, как вчера...*

*В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.*

30 сентября 1915

Кармен (1914)

Л.А.Д.

«Как океан меняет цвет...»

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг польхнет мигнувший
свет, —
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

**«На небе — празелень, и месяца
осколок...»**

*На небе — празелень, и месяца
осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер,
чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед послед-
ний колок,
И в сонный входит вихрь смятен-
ная душа...*

*Что́ месяца нежней, что́ зорь за-
катных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не
говори:
В последнем этаже, там, под вы-
сокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...*

24 марта 1914

**«Есть демон утра. Дымно-светел
он...»**

*Есть демон утра. Дымно-светел
он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,*

Весь — перламутра переливы.

*Но как ночью тьмой сквозит ла-
зурь,
Так этот лик сквозит порой
ужасным,
И золото кудрей — червонно-крас-
ным,
И голос — рокотом забытых
бурь.*

24 марта 1914

«Бушует снежная весна...»

*Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!*

18 марта 1914

«Среди поклонников Кармен...»

*Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвонят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.*

26 марта 1914
«Сердитый взор бесцветных глаз...»

*Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя ды-
шать.
Нагрудник черный близко, близ-
ко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!*

Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к
Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет
мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: Уйдем, уйдем от жизни,

*Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...*

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914
«Вербь — это весенняя таль...»

*Вербь — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.*

*Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плет-
ня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.*

*Розь — страшен мне цвет этих
роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?*

30 марта 1914
«Ть — как отзвук забытого гимна...»

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеєю склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастли-
вый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

*В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и
странный,
Славит бурю цыганских стра-
стей.*

28 марта 1914
«О да, любовь вольна, как птица...»

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

*Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрас-
ных,
Моих ночей, Кармен!*

*Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей свершу я требу
За твой огонь — звездам!*

*Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,*

Кармен, твоих духов...

*И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.*

*Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...*

*За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет
строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!*

28 марта 1914
**«Нет, никогда моей, и ты ничьей не
будешь...»**

*Нет, никогда моей, и ты ничьей
не будешь.*

*Так вот что так влекло сквозь
бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье
время не избудешь.*

Вот почему я — твой поклонник
и поэт!

Здесь — страшная печать отвер-
женности женской
За прелесть дивную — постичь ее
нет сил.

Там — дикий сплав миров, где
часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией све-
тил.

Вот — мой восторг, мой страх в
тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за
тебя!
Вот чьи глаза меня так странно
проводжали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, ле-
тишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая ор-
бит,
И этот мир тебе — лишь крас-
ный облак дыма,
Где что-то жжжет, поет, трево-
жит и горит!

*И в зареве его — твоя безумна
младость...
Всё — музыка и свет: нет сча-
стья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и
радость...
Но я люблю тебя: я сам такой,
Кармен.*

31 марта 1914

Соловьиный сад

1

*Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.*

*Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.*

*И кричит, и трубит он, — отрад-
но,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный*

И тенистый раскинулся сад.

*По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручки и листья.*

*Крик осла моего раздаётся
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеётся,
И потом — отойдет и поёт.*

*И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и зной-
ный
Опускается синяя мгла.*

2

*Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползёт сквозь ку-
сты;
И осел удивляется, бедный:
«Что́, хозяин, раздумался ты?»*

*Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится*

Жизнь другая — моя, не моя...

*И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?*

*Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
С синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.*

*Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.*

*И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.*

3

*Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночною, за знойною мглой.*

*И знакомый, пустой, камени-
стый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тени-
стой,
Убегающей в синюю муть.*

*И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.*

*Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?*

*А уж прошлое кажется стран-
ным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желан-
ным
Буду я в соловьином саду...*

4

*Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучал я — сама отворила*

Неприступные двери она.

*Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.*

*Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.*

*Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.*

5

*Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, —
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

*И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога*

И усталая поступь осла...

*И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокожно:
«Что́ с тобою, возлюбленный
мой?»»*

*Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спе-
ша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.*

6

*Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.*

*Как под утренним сумраком ча-
рым
Лик, прозрачный от срасти, кра-
сив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.*

*Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.*

*Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.*

*И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.*

7

*Путь знакомый и прежде недлин-
ный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.*

*Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...*

Где же дом? — И скользящей но-

гою

Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной ска-
лою

Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знако-
мым

(Или всё еще это во сне?),

Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстре-
чался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной
мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с кир-
кою,

Погоняя чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

Родина (1907–1916)

«Ты отошла, и я в пустыне...»

*Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.*

*О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.*

*И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.*

30 мая 1907

**«В густой траве пропадешь с
головой...»**

*В густой траве пропадешь с голо-
вой.
В тихий дом войдешь, не сту-*

чась...

Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здрав-
ствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых
роз.

Вот здесь вчера — повилика ви-
лась.

Где был, пропадал? что за весть
принес?

Кто любит, не любит, кто гонит
нас?»

Как бывало, забудешь, что дни
идут,

Как бывало, простишь, кто горд и
зол.

И смотришь — тучи вдали вста-
ют,

И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой сторо-
не,

Запросится в бой — зовет и ма-
нит...

Только скажет: «Прощай. Вернись
ко мне» —

*И опять за травой колокольчик
звенит...*

12 июля 1907
«Задебренные лесом кручи...»

*Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.*

*Теперь пастуший кнут не свистит,
И песни не сплет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.*

*Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини — тишины.*

*И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.*

И капли ржавые, лесные,

*Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.*

Октябрь 1907 — 29 августа 1914

На поле Куликовом

1

*Река раскинулась. Течет, грустит
лениво*

И моет берега.

*Над скудной глиной желтого об-
рыва*

В степи грустят стога.

*О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!*

*Наш путь — стрелой татарской
древней воли*

Пронзил нам грудь.

*Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной —*

В твоей тоске, о, Русь!

*И даже мглы — ночной и зару-
бежной —*

Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим

кострами
 Степную даль.
В степном дыму блеснет святое
знамя
 И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только
снится
 Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
 И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты,
кручи...
 Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
 Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь
струится!
 Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
 Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в пол-
ночь стали:

*Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...*

*На пути — горячий белый ка-
мень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полка-
ми
Не взыграет больше никогда.*

*И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой
меч,
Чтоб недаром биться с татар-
вою,
За святое дело мертвым лечь!»*

*Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!*

8 июня 1908

3

*В ночь, когда Мамай залег с ор-
дою
 Степи и мосты,*

В темном поле были мы с То-
бою, —

Разве знала Ты?

Перед Доном темным и злове-
щим,

Средь ночных полей,

Слышал я Твой голос сердцем ве-
щим

В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась

Княжеская рать,

И вдали, вдали о стремя билась,

Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы

Реяли вдали.

А над Русью тихие зарницы

Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским
станом

Угрожал бедой,

А Непрядва убралась туманом,

Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спя-

щей,
 Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струя-
щей,
 Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
 На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
 На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
 Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотвор-
ный
 Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издалі...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

*И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!*

*Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.*

*Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.*

*Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...*

*«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром зывают мечи...*

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых

*Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев*

*Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.*

*За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.*

*Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как быва-
ло,
И плеск и трубы лебедей.*

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Мо-
лись!*

23 декабря 1908

Россия

Опять, как в годы золотые,

Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,

*Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..*

18 октября 1908

«Вот он — ветер...»

*Вот он — ветер,
Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...*

*Вот — что ты мне сулила:
Могила.*

4 ноября 1908

Осенний день

*Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.*

*Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.*

Овин расстелет низкий дым,

*И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётном журавлиным...*

*Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что́ плач осенний значит?*

*И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...*

*О, нищая моя страна,
Что́ ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?*

1 января 1909

«Не уходи. Побудь со мною...»

*Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.*

*Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.*

*Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багря-
ным
Кладет на даль воздушный
крест...*

*Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.*

*Смотри с печальной усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом сталь-
ным.*

*Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.*

А вгуст 1909
**«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам
маяться?...»**

*Русь моя, жизнь моя, вместе ль
нам маяться?*

Царь, да Сибирь, да Ермак, да
тюрьма!

Эх, не пора ль разлучиться, раска-
яться...

Вольному сердцу на что твоя
тьма?

Знала ли что? Или в бога ты ве-
рила?

Что́ там услышишь из песен тво-
их?

Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов версто-
вых...

Лодки да грады по рекам рубила
ты,

Но до Царьградских святынь не
дошла...

Соколов, лебедей в степь распу-
стила ты —

Кинулась из степи черная мгла...

За́ море Черное, за́ море Белое

В черные ночи и в белые дни

Дико глядится лицо онемелое,

Очи татарские мечут огни...

*Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем тво-
им...
Что́ же маячишь ты, сонное ма-
рево?
Вольным играешься духом моим?*

28 февраля 1910

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

*Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы бро-
шенном,
Красивая и молодая.*

*Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним ле-
сом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.*

*Три ярких глаза набегających —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжаю-
щих
Посмотрит пристальней из*

ОКОН...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёк-
лыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой неж-
ною...
Скользнул — и поезд в даль умча-
ло.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогающая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что́ — давно уж сердце выну-
то!
Так много отдано поклонов,

*Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...*

*Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.*

14 июня 1910

Посещение

ГОЛОС

*То не ели, не тонкие ели
На закате подьют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность
мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе — возгласы моря,
На лице твоём — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.*

Второй голос

*Старый дом мой пронизан мете-
лью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой посте-
лью
Наклонялся лишь пристальный
враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, — лишь ветер нале-
тит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце пол-
но.*

Сентябрь 1910

С. Шахматово

«Там неба осветленный край...»

*Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.*

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редает.

Сентябрь 1910

**«Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку...»**

Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку,
Молодеет душа.

И во сне прижимаю к губам твою
прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова
любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие
ветки, я знаю,

Старый дом глянет в сердце
мое,
Глянет небо опять, розовея от
краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непо-
нятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю ми-
лую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,

О царевне... ах...

*Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...*

*За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царица спит...*

*Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...
Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...*

*С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царицей
Светлый круг лучей...*

*И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...*

*Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!*

Октябрь 1912

Новая Америка

*Праздник радостный, праздник ве-
ликий,
Да звезда из-за туч не видена...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.*

*За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор
пред очами,
Непонятная ширь без конца?*

*Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!*

Там прикинешься ты богомоль-
ной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон коло-
кольный,
За крестами — кресты, да кре-
сты...

Только ладан твой синий и рос-
ный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не пост-
ный
Под московским платочком
цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванул-
ся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнул-
ся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половец-
кий

И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стя-
га,

Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чу-
бы,

Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без ис-
хода,

Степь, да ветер, да ветер, — и
вдруг

Многоярусный корпус завода,

Города из рабочих лачуг...

*На пустынном просторе, на ди-
ком*

*Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...*

*Черный уголь — подземный мес-
сия,*

*Черный уголь — здесь царь и же-
них,*

*Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!*

*Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...*

*То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!*

12 декабря 1913
«Ветер стих, и слава заревая...»

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая

Облекла вон те пруды.

Вон и схимник. Книгу закрывая,

Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бо-
га,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издале-
ка.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобу-
ка?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

Последнее напутствие

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.

Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль муче-
ний,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

*Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...*

*И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?*

*Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...*

*А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.*

14 мая 1914

**«Грешить бесстыдно,
непробудно...»**

Грешить бесстыдно, непробудно,

Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

**«Петроградское небо мутилось
дождем...»**

*Петроградское небо мутилось до-
ждем,*

*На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и
штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.*

*В этом поезде тысячью жизнью
цвели*

*Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закат-
ной дали
Были дымные тучи в крови.*

*И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие — не в лад — Ермака,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.*

*Вдруг под ветром взлетел опада-
ющий лист,
Раскачнувшись, фонарь зами-
гал,
И под черною тучей веселый гор-
нист*

Заиграл к отправленью сигнал.
нал.

И военной славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило ура без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам ура,
В грозном клике звучало: пора!

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает по-
жар,

Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравлен-
ный пар
С галицийских кровавых по-
лей...

1 сентября 1914

«Я не предал белое знамя...»

*Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.*

*Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.*

*Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.*

*А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.*

3 декабря 1914

«Рожденные в года глухие...»

З.Н. Гиппиус

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет Рос-
сии —
Забыть не в силах ничего.*

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль
весть?
От дней войны, от дней свобо-
ды —
Кровавый отсвет в лицах есть.*

*Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных ко-
гда-то,
Есть роковая пустота.*

*И пусть над нашим смертным
ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!*

8 сентября 1914

«Дикий ветер...»

*Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.*

*Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.*

*За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...*

*Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?*

*Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?*

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кру-
жит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном ту-
жит:
«Нá хлеба, нá, нá грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

О чем поет ветер (1913)

«Мы забыты, одни на земле...»

*Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.*

*В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.*

*За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.*

*Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь впе-
ред?*

*Смотришь, точно ты хочешь про-
честь
Там какую-то новую весть?*

*Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.*

*Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.*

Ничего я не жду, не ропщу,

Ни о чем, что прошло, не грущу.

*Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,*

*Как когда-то, ты помнишь то-
гда...*

О, какие то были года!

*Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,*

*И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,*

*Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.*

19 октября 1913

«Поет, поет...»

*Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...*

*Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой*

Баюкает и нежит время...

*Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...*

*Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...*

*Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.*

19

октября 1913

«Милый друг, и в этом тихом

доме...»

*Милый друг, и в этом тихом до-
ме*

*Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом до-
ме*

Возле мирного огня!

*Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!*

*За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!*

Октябрь 1913

«Из ничего — фонтаном синим...»

*Из ничего — фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.*

*Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,*

*Рассыпался над черной далью
Златым пучком,*

*А здесь — опять, — дугой, спира-
лью,*

Шаром, волчком,
Зеленый, желтый, синий, крас-
ный —

Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

Октябрь 1913

«**Вспомнил я старую сказку...**»

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь otvorил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивою тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол прыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,

Провспоминаешь ты века,
И среди растущей темноты
 Припомнишь ты
 И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
 Всё, всё.

Октябрь 1913
 «**Было то в темных Карпатах...**»

*Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...*

*Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни другой мне
Жалобный ветер напел...*

*Верь, друг мой, сказкам: я привык
 Вникать
В чудесный их язык
 И постигать
В обрывках слов
 Туманный ход*

Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

Октябрь 1913

Возмездие

Пролог

*Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и
ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где
тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем
грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над гор-
ном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —*

И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг вер-
ный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший
страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный
раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каж-
дой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позор-
ным

Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую между,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,

Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, камняя!

Первая глава

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену

Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
Не рекамье, — а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и брат-
ства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безболь-
но
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают

Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — на-
хальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз
Волóчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог роланда
И шлем — фуражкой заменяя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклипать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко
спать...

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),

И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвлечение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчиз-
не...

И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж человек? — За ревом ста-
ли,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скре-
жет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
А здесь — по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца
много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется ура,
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится золотоголовый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,
В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.

Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенью,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны — пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассве-

та,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни
Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сме-
нять

На ранах корзину и вату,
Кто — на́ вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, — как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера?

В глазах любого офицера
Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коню, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя

Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое всё равно,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не меша-
ет...
Всё отразится на таких
Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть
пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазюющих зевак,
Нас вовсе ликованье это

Заставило забыть вчера...
У нас в глазах нестрит от света,
У нас в ушах гремит ура!
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновен-
ный
Здесь — в петербургском сентяб-
ре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чувствует
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет
эхо,
А всё — не разогнать толпу;
Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет

Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря —
И сам отец семейства даже
Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возвра-
та,
Ты в ней — как в старой стари-
не...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне заметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взгля-

нешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зда-
нье —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за этими стенами
И твой скрываться может рок...
(Но, если б ты умом раскинул,
Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись — увидишь ряд один

Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в
дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папироской:
Средь прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен

Взгляд карих глаз сурово-крот-
кий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном пла-
тье
Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжа-

лы.

Вот пламя ширится — и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало

В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза, —

Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье, —
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — пристальность твоя.

В те дни под петербургским
небом

Живет дворянская семья.
Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в брезгливости природной
Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих волей.
Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней.
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздит
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,

И нечиновных, как чиновных...

*Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
(Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившийся стыда).
И нигилизм здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.
«Семейство — вздор, семей-
ство — блажь», —
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неве-
рьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,*

И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавыч-
ки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом меня-
лась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
(В том видя долг гражданский
свой),
А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред «годовщи-
ной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к за-
ту.

(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).

Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещенья,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...

Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —
В душе он — старый барин рус-
ский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:

То — недоварены форели,
А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над без-
дной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страст-
ный
Дразнить в гимназии подруг
И косоцветкой ярко-красной
Вводит начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдли-
вой —
Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный мальчик;
Ее готовят под венец...

«Смотри, он дочку любит ма-
ло, —

Ворчит и хмурится отец, —

Смотри, не нашего он круга...»

И втайне с ним согласна мать,

Но ревность к дочке друг от друга

Они стараются скрывать...

Торопит мать наряд венчальный,

Приданое поспешно шьют,

И на обряд (обряд печальный)

Знакомых и родных зовут...

Жених — противник всех обрядов

(Когда «страдает так народ»).

Невеста — точно тех же взгля-

дов:

Она — с ним об руку пойдет,

Чтоб вместе бросить луч пре-

красный,

«Луч света в царство темноты»

(И лишь венчаться не согласна

Без флер доранжа и фаты).

Вот — с мыслью о гражданском

браке,

С челом мрачнее сентября,

Нечесанный, в нескладном фраке

Он предстоит у алтаря,

Вступая в брак «принципаль-

но», —

Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невнятны
Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру

Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступать-
ся,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и больной вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носить-
ся,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры

(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славно»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь — до смерти ра-
но;

Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, — шалят;
Они — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, с обреченными глазами:
Другая статъ, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —

*И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.*

*Встань, выйди поутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движе-
нье...*

*Он слушает... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд сосед-
них,
Печальный писк птенцов послед-
них,
Пух нежный по ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огром-
ным,
Взлетел — чертит за кругом
круг,
Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, — кружит,
кружит...*

Россия-мать, как птица, тужит

О детях; но — ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил).
С простертой дланью вдохновенно

Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедывал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,
И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также — слуги царской власти,
И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить
здесь

Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал

Взаимно руку пожимал
(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех — не столько разговором,
Сколь оживленностью и взо-
ром, —

Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе — добрая была.
Кто с Анной Павловной был свя-
зан, —

Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан
Язык писателей о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные — в убежденьях схожи,
Тот — попросту в нее влюблен,
Иной — с конспиративным де-
лом...

И всем нужна она была,
Все приходили к ней, — и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятья,
Как и в опасных предприятиях...

К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привыч-
ный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Врев-
ской: —
Похож на Байрона». — Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен» — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половины

Никто, сам чорт, не разберет...

И дамы были в восхищеньи:

«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?

Он впрямь был с гордым лордом схож

Лица надменным выраженьем

И чем-то, что хочу назвать

Тяжелым пламенем печали.

(Вообще, в нем странность замечали —

И всем хотелось замечать).

Пожалуй, не было, к несчастью,

В нем только воли этой... Он

Одной какой-то тайной страстью,

Должно быть, с лордом был сравнен:

Потомок поздний поколений,

В которых жил мятежный пыл

Нечеловеческих стремлений, —

На Байрона он походил,

Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:

Тот самый отсвет красноватый,

И выраженье власти то ж,

И то же порыванье к бездне.

Но — тайно околдован дух

Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознанием.

Так
Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззре-
ниях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.

Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев
треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн — с
Флобером).
Свобода, право, идеал —
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая.

(Всё б — в крайностях бродить
уму,
А середина золотая
Всё не давалась ему!)
Он ненавистное — любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант» — твердили все во-
круг, —
Но, не гордясь (не уступая),
Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но молодая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чужды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? — Утетишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё — как в час, когда на ло-

же
Двоих желание сплело...)
И там — за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)
Какой-то образ — грустный, даль-
ный,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть
должно:
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотой
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нисколько
С тюрьмой не сходствовал сей
дом...).

Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он — жизнь, он — счастье, он —
стихия,
Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она — почти сошла с ума...
А он? —
Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
Как бедный мучится ребенок,
Что счастье ребенку дать —
Теперь — в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...

То — ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...

То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...

«Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня, —
За что терзает и пугает
Он беззащитную, меня...

Он объяснения не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»

(Смотри: так хищник силы ко-
пит:

Сейчас — больным крылом взмах-
нет,

На луг опустится бесшумно

И будет пить живую кровь

Уже от ужаса — безумной,

Дрожащей жертвы...) — Вот —
любовь

Того вампирственного века,

Который превратил в калек

Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий
век!

Другой жених на этом месте

Давно отряс бы прах от ног,

Но мой герой был слишком че-

стен
И обмануть ее не мог:
Он не гордился нравом стран-
ным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим ста-
дом...
Но — «глас народа — божий глас»,
И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной
Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятеж-
ный, —
Герой мой был совсем не прав...

Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,

Крутился. Инеудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой
мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском пра-
ве,
С душой, начавшей уставать, —
Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку, —
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв

С Екатеринына канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван первым мар-
та.

В семье — печаль. Упразднена
Как будто часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путанно, и трудно:
То — над Россией дым стоит...
Отец, сидя, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг — возвращается она...
Что с ней? Как стан прозрачный
тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

Вторая глава

(Вступление)

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заснав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

*В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык свѣтил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным
смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом ма-
ло...*

III

*Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,*

Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура»
Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водяни-
стый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом све-
те» —
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И встретившись лицом с прохо-
жим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,

И расширился небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь главою отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревож-
ный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпигеле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало

На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...)
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуром и Цусимой,
Гроза Девятым января...

Третья глава

Отец лежит в «Алее роз»,
Улица в Варшаве.
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Месть! Месть!» — в холодном

чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорую кровавой...
Вот оттепель: блеснет живею
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг ласкательный и льсти-
вый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой
мгле
Поблескивает честной сталью.

Вокзал заплеванный; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу — как тюрьма;
Отец, сраженный злым неду-
гом, —
Всё внове баловню судеб;
Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном
ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря

Твоя, забывший Польшу, боже! —
Что́ здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забывтый лист осенних дней
Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея Роз»!.. —
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена, —
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,
Отец... и сын, едва дыша,
Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве
С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё — одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
Он за звонок берется смело
И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги
Он по ступенькам вверх бежит

Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу
И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы — сын профессора?» — «Да,
сын...»
Тогда (уже с любезной миной):
«Прошу вас. В пять он умер.
Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орли-
ный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловес-
ный...
«Он славно отдохнет теперь» —
Подумал сын, спокойным взгля-
дом
Смотря в отворенную дверь...
(С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость
плеч, —

И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...

А ночь стоит, стоит в окне...)

И мыслит сын: «Где ж праздник
Смерти?»

Отцовский лик так странно
тих...

Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?

Иль смерть смела бесследно
их?» —

Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.

Ушли родные. Только сын

Склонен над трупом... Как разбой-
ник,

Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...

(Неопытному трудно смело
У мертвых пальцы разгибать).

И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,

Увидел он, какие тени

Легли вдоль этого лица...

Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий

гроб,

Сын окрестил отцовский лоб,

Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по миру судьбой...
Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой».

Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клочок волос;
Всё шире с тайною тревогой
Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложение — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала

Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не
мог).

Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: «Воля».
Да! Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... — На кладбище был мир.
И впрямь пахнуло чем-то воль-

ным:

Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаюсь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня — как три тяжелых года!
Он чувствовал, как стынет
кровь...
Людская пошлость? Иль — пого-
да?
Или — сыновняя любовь? —
Отец от первых лет сознанья
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тай-
ных).

Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.
(А думы глупые, младые...)
И только добрый льстивый взор,
Бывало упал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь;
А он, безумно расшальясь,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,
И он стремглав отцу вонзает
Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул...
Этот крик
С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилою, на «Воле», —
И сын очнулся... Вьюги свист;
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...

И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатой.
Что там? Небесной красотой
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.
{r Чувствительное воспитание
(франц.). «*Education
sentimentale*» — заглавие романа Г.
Флобера. — Ред. r}
От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдём
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста

Сырая, темная квартира...
Привыкли чудачком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть — и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим стро-
го:
Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудях книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,

Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...
Так, с жизнью счет сводя печаль-
ный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикаль-
ный,
«Правел», слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чади-
ла,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямилась сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,

Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слез в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях тем-
ных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память
эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,

Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..).
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,

Дре­мать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном
струн
От­ве­тит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый по-
вод,
И четко повторит чугу­н
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над Вар-
шавой
Звенит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бары,
Торгует телом «Новый свет»,

Кишат бесстыдные троттуары,
Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старин-
ный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подполза-
ет...
Вот — подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...

И он уж не один идет,
А точно с кем-то новым вме-
сте...
Вот быстро под гору ведет
Его «Краковское предместье»;
Вот Висла — снежной бури ад...
Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен...
(А рядом — друг или соперник —
Идет тоска...) Направо он
Поворотил — немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору.
(Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,
Но скоро изнемог опять —
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...)
Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,

И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь. —
Теперь уж некому помочь!
Теперь он — в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
Как те ослепшие дома!..
Лишь снег порхает — вечный, бе-
лый,
Зимой — он площадь оснежит,
И мертвое засыплет тело,
Весной — ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный
звон...
Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;

Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодар-
ном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно бо-
ле,
Чем *quantum satis* Бранда[9] воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

.....

Двенадцать

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Со-
бранию!»
Старушка убивается — пла-
чет,
Никак не поймет, что зна-
чит,
На что такой плакат,

Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для
ребят?

А всякий — раздет, раз-
зут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через су-
гроб.

— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в
гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстают и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — длинные волосы
И говорит вполголоса:

— Предатели!
— Погибла Россия!

Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих кóсит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Со-
бранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:

На время — десять, на ночь —
двадцать пять...

...И меньше — ни с кого не
брать...

...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что́ впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят кар-
туз.
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в каба-
ке...

— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...

— Был Ванька наш, а стал сол-
дат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не
трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую
Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —

Буйну голову сложить!

*Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!*

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!*

4

*Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Елекстрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..*

*Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...*

*Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,*

Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется
вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай
Петруха, сзади забегай!..
Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный
прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.....
Как с девочкой чужой гулять!..

*Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!*

*А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!*

*Что́, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!*

*Революцöнный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!*

7

*И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...*

*Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...*

*— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?*

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?

— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!

— Поддержи свою осанку!

— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,

Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!
Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полушу, полушу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробыш-

ком!

*Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...*

*Упокой, господи, душу рабы тво-
ея...*

Скучно!

9

*Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!*

*Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жест-
кой
Поджавши хвост паршивый пес.*

*Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.*

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным ша-
гом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голод-
ный —
Хвост поджал — не отстаёт —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным фла-
гом?

— Приглядись-ка, эка тьма!

— Кто там ходит беглым ша-
гом,

Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!

— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо

Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным ша-
гом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев*

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и
тьмы, и тьмы.*

*Попробуйте, сразитесь с на-
ми!*

*Да, скифы — мы! Да, азиаты —
мы,*

*С раскосыми и жадными оча-
ми!*

*Для вас — века, для нас — единый
час.*

*Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждеб-
ных рас*

Монголов и Европы!

*Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома́ лавины,
И дикой сказкой был для вас про-
вал*

И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только
срок,
Когда наставит пушек жер-
ла!

Вот — срок настал. Крылами
бьет беда,
И каждый день обиды мно-
жит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть
может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой слад-
кой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею за-
гадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в те-
бя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша
кровь,

Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть лю-
бовь,

Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных
числ,

И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый
галльский смысл,

И сумрачный германский ге-
ний...

Мы помним всё — парижских
улиц ад,

И венецьянские прохлады,
Лимонных роц, далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и
цвет,

И душный, смертный плоти
запах...

Виновны ль мы, коль хрустнет
ваш скелет

В тяжелых, нежных наших

лапах?

*Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крест-
цы,
И усмирять рабынь стропти-
вых...*

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в
ножны,
Товарищи! Мы станем — бра-
тья!*

*А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно веролом-
ство!
Века, века — вас будет прокли-
нать
Больное позднее потомство!*

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к
вам
Своею азиатской рожей!*

*Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит ин-
теграл,
С монгольской дикою ордою!*

*Но сами мы — отныне вам не
щит,
Отныне в бой не вступим са-
ми,
Мы поглядим, как смертный бой
кипит,
Своими узкими глазами.*

*Не сдвинемся, когда свирепый
гунн
В карманах трупов будет ша-
рить,
Жечь города, и в церковь гнать
табун,
И мясо белых братьев жа-
рить!..*

*В последний раз — опомнись, ста-
рый мир!
На братский пир труда и ми-
ра,
В последний раз на светлый брат-*

ский пир

Сзывает варварская лира!

30 января 1918

Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1909–1921)

Разные стихотворения

«Я прихожу к тебе не дважды...»

*Я прихожу к тебе не дважды,
И нет, и нет возврата мне.
Но можешь видеть вечер каждый
Меня в долинах на коне.*

.....

*Иль я забыт, и длинный свиток
Моих страстей, моих тревог
Прибьет отец небесных пыток
На перекрестке трех дорог?*

Июнь 1909

«Хрустальный твой бокал — и буря...»

*Хрустальный твой бокал — и бу-
ря
За чернотой глухих портьер.
И вся дрожишь, глаза сощуря,
Ты, соплеменница пантер.*

*Пускай за шелковым корсажем
Две розы смятые дрожат, —
Мы из презрения не скажем
Тех слов, что вечно говорят.*

Октябрь (?) 1909

«Как из сумрачной гавани...»

*Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаваньё
Отошли корабли, —
Так и вы, мои —
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.*

Ноябрь (?) 1909

«Тихая белая горница...»

*Тихая белая горница,
Тихой лампы лучи!
Ночь приняла, как любовница,
Все излишня мои.*

1⁹¹⁰

«Голубые ходят ночи...»

*Голубые ходят ночи,
Голубой струится дым,
Дышит море голубым, —*

Голубые светят очи!

15 апреля 1912

**«Люблю я страсти легкий
пламень...»**

*Люблю я страсти легкий пламень
Средь наших мелочных забот, —
Он — как в кольце бесценный ка-
мень,
Как древа жизни дивный плод...*

Май 1912

На лугу

*Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.*

*Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...*

25 октября 1912

Ворона

*Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохма-
той...*

*А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...*

*Вдруг запрыгала вбок глупым ско-
ком,
Вниз на землю глядит она боком:*

*Что белеет под нежною трав-
кой?
Вон желтеют под серою лавкой*

*Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,*

*И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей приволь-
но!..*

25 октября 1912

Тишина в лесу После ночной метели

*Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.*

*Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.*

*И деревья торжественным стро-
ем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлою силой
Ледяной и немой белизны.*

*Чье там брежжит лазурное око?
Как поляна из звезд — небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокры-
лой
Бог идет сквозь ночные леса.*

Октябрь 1912

Сочельник в лесу

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.

Октябрь 1912

«Я помню нежность ваших плеч...»

*Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.*

*Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.*

*И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности... твоей.*

1 июля 1914

«Распушилась, раскачнулась...»

*Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.*

*Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядет, как веселится
В улице апрель!*

Раскрутился над рекою

*Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.*

*И под ветром заметались
Кончики платка,
А проходим примечтались
Алых два цветка.*

*И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.*

25 декабря 1914

**«Милая девушка, что ты
колдуешь...»**

*Милая девушка, что ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволну-
ешь,
Только — я здесь ни при чем.*

*Знаю, что этой игрою опасной
Будешь ты многих пленять,
Что превратишься из женщины
страстной
В умную нежную мать.*

Но, испытавши судьбы перемены, —

Сколько блаженств и потерь! —

Вновь ты родишься из розовой пены

Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

«От знающего почерк ясный...»

*От знающего почерк ясный
Руки прилежной и прекрасной,
На память вечную о том
Лишь двум сердцам знакомом
мире,
Который вспыхнул за окном
Зимой, над Ponte del Sospiri...[10]*

15 декабря 1915

«В своих мы прихотях невольны...»

*В своих мы прихотях невольны,
Невольны мы в своей крови.
Дитя, нам горестно и больно
Всходит по лестнице любви.*

*Сребристый месяц, лед хрустящий,
Окно в вечерней вышине,*

*И верь душе, и верь звенящей,
И верь натянутой струне.*

Конец 1917

3. Гиппиус

(При получении «Последних стихов»)

*Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!*

*Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...*

*Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хо-
ре,
Где гудит и воет ураган!*

*Страшно, сладко, неизбежно, на-
до
Мне — бросаться в многопенный
вал,
Вам — зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских*

скал.

Высоко — над нами — над волна-
ми, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!

1 -6 июня 1918

Русский бред

Зачинайся, русский бред...

*...Древний образ в темной раке,
Перед ним подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...*

*Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...
Три... в автомобиле...*

*Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —*

*Там и тут,
там и тут...*

*Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым...*

Февраль 1918 — 8 апреля 1919
**«Вы жизнь по-прежнему
НИСКОЛЬКО...»**

*Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным кикапу...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?*

Май 1919

**На поле Куликовом
Текст для кантаты
1. Хор татар**

*Идут века...
Бежит река...
Земля тяжка, черна, пусты по-
ля...*

*Шумят пиры...
Трещат костры...*

Гудит вдали, кружит в пыли, дрожит земля...

*И жар костров
В разгар пиров —
И дальний зов — на бой — на бой — рази врагов!*

*В лязге сабель, в ржанье ко́ней, в блеске брони
За сраженным, за смятенным — в погоню, в погоню, в погоню!*

*Мечи стрелу в ночную мглу!..
Добей врага, гони, лети, скачи!..
Рази, руби, коли, стегай, хлещи!..*

2. Ария невесты (Невеста ждет жениха)

*Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту
И смотрю на речные цветы.*

*И смотрю за туманы и гарь,
Как из той из туманной дали*

*Чередой потянулись, как встарь,
Гуси, лебеди, да журавли...*

*Дайте вольные крылья свои,
Гуси, лебеди, да журавли...
Ах, когда на призывы мои
Он вернется из дальней дали?*

*Боже, в черные ночи и дни
Ты храни жениха моего,
Упаси ты от вражьей стрелы,
Сохрани ты от сабли его...*

З 14 ноября 1919

«Яблони сада вырваны...»

*Яблони сада вырваны,
Дети у женичины взяты,
Песню не взять, не вырвать,
Сладостна боль ее.*

А вгуст 1920

**Две надписи на сборнике «Седое
утро»**

1

*Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,*

Изгнаннику — родной очаг,
И капитану — океан,
И деве — розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, — забвенью не предам.

23 октября 1920

2

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, —
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога

*Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас она дала...*

23-24 октября 1920

Пушкинскому Дому

*Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.*

*Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.*

*Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.*

*Что́ за пламенные дали
Открывала нам река!*

Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

Стихотворные переводы

Гейне. Опять на родине

Die Heimkehr

1

*В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.*

*Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.*

*Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.*

2

*Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.*

Прохладой сумерки веют,

*И Рейна тих простор;
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.*

*Над страшной высотой
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.*

*Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.*

*Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.*

*Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелей.*

3

*Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев,*

Молча, бреду сквозь леса.

*Светик далекий кажется
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.*

*Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.*

*Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед,
То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.*

*Там плачет красавица-пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жметя отцовский пес.*

4

*Красавица рыбачка
Оставь челнок на песке;
Посиди со мной, поболтаем,
Рука в моей руке.*

Прижмись головкой к сердцу,
Не бойся ласки моей;
Ведь каждый день ты с морем
Играешь судьбой своей.

И сердце мое, как море,
Там бури, прилив и отлив,
В его глубинах много
Жемчужных дремлет див.

5

Играет буря танец,
В нем свист и рев и вой,
Эй! Прыгает кораблик!
Веселый пляс ночной.

Вздымает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

6

Вечер пришел безмолвный,

Над морем туманы свились,
Таинственно ропщут волны,
Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
Садится на берег со мной;
Белая грудь серебрится
За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
Всё крепче, всё больней, —
Ты слишком больно душишь,
Краса подводных фей!

«Душу́ тебя с силой нежной,
Обнимаю сильной рукой;
Этот вечер слишком свежий,
Хочу согреться тобой».

Лик месяца бледнеет,
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взор влажнеет,
Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
Не сумрачней, не влажней:
Когда я вставала из глуби,
В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
Глухо бьет прибой меж кам-
ней, —
Твое сердце трепещет странно,
Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепет странен и дик,
Я люблю тебя несказанно,
Человеческий милый лик».

7

На дальнем горизонте,
Как сумеречный обман,
Закатный город и башни
Плывут в вечерний туман.

Играет влажный ветер
На серой быстрине;
Траурно плещут весла
Гребца на моем челне.

В последний проглянуло
Над морем солнце в крови,
И я узнал то место —
Могилу моей любви.

8

Тихая ночь, на улицах дрёма,
В этом доме жила моя звезда;
Она ушла из этого дома,
А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший
руки,
Не сводит глаз с высоты ночной;
Мне страшен лик, полный смерт-
ной муки —
Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты, призрак! Иль не до-
вольно
Ломаться в муках тех страстей?
От них давно мне было больно
На этом месте столько ночей!

9

Ты знаешь, что живу я,
И спишь спокойным сном!
Мой старый гнев проснется,
И я сломя мой ярём.
Ты знаешь — в старой песне:
Однажды в час ночной
Подругу юноша мертвый
В могилу взял с собой?

*Поверь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я жив, у меня есть сила,
Сильней всех мертвых я!*

10

*Я Атлас злополучный! Целый
мир,
Весь мир страданий на́ плечи
подъемлю,
Подъемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.*

*Ты сердцем гордым сам того же-
лал!
Желал блаженств, блаженств
безмерных сердцу,
Иль непомерных — гордому —
скорбей,
Так вот: теперь ты скорбен.*

11

*Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.*

Только раз бы тебя мне увидеть,

Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, madame!

12

Три светлых царя из восточной
страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифле-
ем?
У девочек всех, у мальчишек.
Ни старый, ни малый не мог рас-
сказать,
Цари прошли все страны;
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.

Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало дитя,
Три светлых царя распевали.

Январь 1909

Гейне. «Когда-то в этом зале...»

*Когда-то в этом зале
Мы с вами обручились;
Где ваши слезы упали,
Теперь ехидны клубились.*

Январь 1909

Гейне. «Я в старом сказочном лесу!..»

*Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.*

*Иду, иду, — и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.*

*Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь
светла,
Проснулись забытые грезы.*

Иду, иду, — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрытые окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась
смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вожделья и гнева,
И тело и лапы — как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумием взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы, —
И я безвозвратно погиб в тот
миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,

Проникся стоном камень —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не выпил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая
боль!
Та боль, как та страсть, беспре-
дельна!
Пока в поцелуях блаженствует
рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О, любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой
Всегда твои щедроты?»

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

6 ноября 1920

Гейне. «Вот май опять повеял...»

*Вот май опять повеял,
Цветы зацвели и лес,
И тучки, розовея,
Плывут в синеве небес.*

*И соловьев раскаты
Опять зазвучали в листве,
И прыгают ягнята
В зеленой мураве.*

*Прыгать и петь не могу я,
Я лег, больной, в траву;
Далекий звон слезу я,
Я грежу наяву.*

Январь 1921

Гейне. «Тихо сердца глубины...»

*Тихо сердца глубины
Звоны пронизали.
Лейся, песенка весны,
Разливайся дале.
Ты пролейся, где цветы
Расцветают томно.
Если розу встретишь ты —
Ей привет мой скромный.*

27 января 1921

Гейне. «Только платьем МИМОХОДОМ...»

*Только платьем мимоходом
До меня коснешься ты —
По твоим следам несутся
Сердца бурные мечты.*

*Обернешься ты, вперётся
Глаз огромных синева —
С перепугу за тобою
Сердце следует едва.*

28 января 1921

Гейне. «Гуляю меж цветами...»

*Гуляю меж цветами
И сам цвести могу;
Как сонный, спотыкаюсь
Почти на каждом шагу.*

*Держи меня, голубка!
Пожалуй, с пьяных глаз
К твоим ногам свалюсь я, —
А в саду ведь народ как раз.*

28⁻²⁹ января 1921

Гейне. «Как луна дрожит на лоне...»

*Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой, —
Так, любимая, спокойна
И ясна твоя дорога,
Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.*

29 января 1921

Гейне. «Альянс священный прочно...»

*Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца:
Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.*

*Ах! жаль, что юной розой
Украшила ты грудь,
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.*

29 января 1921

Гейне. «Опять воскрешает мне память...»

*Опять воскрешает мне память
Развеянный ветром образ —
Зачем меня волнует
Так глубоко твой голос?*

*Не говори: люблю!
Позор не минует, я знаю,
Прекраснейшего в мире —
Любви, весны и мая.*

*Не говори: люблю!
Целуй без слов, без клятвы,
Посмейся увядшим розам,
Когда принесу их завтра.*

31 января 1921

Гейне. «Своим письмом напрасно...»

*Своим письмом напрасно
Ты хочешь напугать;
Ты пишешь длинно ужасно,
Что нам пора порвать.*

*Страниц двенадцать, странно!
И почерк так красив!
Не пишут так пространно,
Отставку дать решив.*

Январь-февраль 1921

Гейне. Пролог

*Чуть не в каждой галерее
Есть картина, где герой,
Порываясь в бой скорее,
Поднял щит над головой.*

*Но амурчики стащили
Меч у хмурого бойца
И гирляндой роз и лилий
Окружили молодца.*

*Цепи горя, пути счастья
Принуждают и меня*

*Оставаться без участия
К битвам нынешнего дня.*

3 февраля 1921

Аветик Исаакян. Моей матери

1 *От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.*

*С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать по-
встречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?*

*Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг.
Мимо сердца с тоскою безум-
ной —
Улетели бесшумно на юг.*

*По лицу да по ласковой речи
Стоксовался я, мать моя, джан,
Джан — ласкательное название.
Был бы сном я — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.*

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал
бы,
И смеялся и плакал бы, джан!

2

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий
дым,
Чуть зыблются ветви родимых
ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим гру-
стит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет
дитя,
И мать моя, молча, молитву
творит.

«Пусть прежде всех поможет гос-
подь
Всем дальним странникам, всем
больным,
Пусть после всех поможет гос-
подь

Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын».

*Над мирным домом струится
дым,
Мать над сыном моим молитву
творит,
Сверчок трещит в щелё, невидим,
Родимая ива едва шелестит.*

Аветик Исаакян. «Ал-злат наряд — мой детка рад...»

*Ал-злат наряд — мой детка рад,
Индийский лал в ручонке сжал,
Люль-люль, дар-дар, дитя — кра-
са,
Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,
Люль-люль, дар-дар, да-да и другие
восклицания в
песне — чисто звукоподража-
тельные, подобно нашему «бай-
бай»,
и определенного значения не име-
ют.
Бровь — полумесяц, спи, дар-дар,
Глазок — звезда, господень дар.*

*День настает, овца идет,
Дитя всё спит и не встает.
Вставай, капризничай, кричи,
Гоп-гоп, на соску, на соси,
Топ-топ, тихонечко ходи.
Нет, сладкий сон тревожить
жаль,
Щека — как сахар, как миндаль.*

*Джан божья мать, молю тебя,
От злого взора, наговора
Храни, храни мое дитя...*

Аветик Исаакян. «Был на Аразе у меня баштан...»

*Был на Аразе у меня баштан —
Араз — Аракс, река. Баштан —
сад.
Посадил бы иву, розы я, да мак,
Под тенистой ивой сплел бы я ша-
лаш,
В шалаше бы вечно пламенел
очаг!*

*Чтоб сидела рядом милая Шу-
шан,
Шушан, Шушик — женское имя*

Сусанна.

*Чтобы нам друг друга у огня лас-
кать!*

*Кабы на Аразе завести баштан,
Для Шушик лилейной отдыха не
знать.*

Аветик Исаакян. «Быстролетный и черный орел...»

*Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных
скал.*

*Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил сердце в лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.*

Аветик Исаакян. «Во долине, в долине Сално́ боевой...»

Во долине, в долине Сално́[11] боевой,

Ранен в грудь, умирает гайдук.

Рана — розы раскрытой цветок огневой,

Ствол ружья выпадает из рук.

Запеваает кузнечик в кровавых полях,

И, в объятых предсмертного сна,

Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,

Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,

Снится — звякая, блещет коса,

Мирно девушки сено гребут — и звучат,

Всё о нем их звенят голоса...

Над долиной Сално́ туча хмуро
встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

Аветик Исаакян. «Под алмазным венцом...»

Под алмазным венцом
Среди звезд — Алагяз,
Алагяз — гора.
Выше гор, выше туч
Он на троне сидит, развалясь.

Я помчусь за алмазным венцом
На крылах райской птицы Синам,
Синам — фантастическая птица.
К тем звездам обращусь я лицом,
Сердце снам и виденьям предам.

В сердце — рай, там поют соловьи,
Кущи роз, о любви плачет саз...
О, Заро! нас объятья мои
На алмазный умчат Алагяз!

Аветик Исаакян. «Уж солнце за вершиной гор...»

*Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.
Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.*

*О, нежный ветер, звездный свет,
Где яр Яр — милый. мой в эту
ночь?
О, звезды, вас прекрасней нет,
Где бродит яр всю ночь?*

*Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман, и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!*

Аветик Исаакян. «Караван мой бренчит и плетется...»

*Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...*

*Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих — моя джан.*

*Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися —
Нет в подлунной обетов святых!*

*Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...*

Аветик Исаакян. «Издалека в тиши НОЧНОЙ...»

*Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?*

*В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!*

Аветик Исаакян. «Я увидел во сне: КОЛЫХАЯСЬ, ВИАСЬ...»

*Я увидел во сне: колыхаясь, висясь,
Проходил караван, сладко пели
звонки.
По уступам горы громоздясь и
змеясь,
Проползал караван, сладко пели
звонки.*

*Посреди каравана — бесценная
джан,*

Радость блещет в очах, подвенечный наряд...

Я — за нею, палимый тоской... Караван

Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,

Я лежал одинокий, отчаянья полн...

*Караван уходил, и в далекой дали
Уходящие сладостно пели звонки.*

Аветик Исаакян. «Да, я знаю всегда — есть чужая страна...»

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,

*Есть душа в той далекой стране,
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.*

Даже кажется мне, что к далекой руке

*Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске*

По ее волосам золотым...

Аветик Исаакян. «Видит лань — в воде...»

*Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.*

*Ланий зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день.*

**Аветик Исаакян. «Словно молнии
луч, словно гром из туч...»**

*Словно молнии луч, словно гром
из туч,
Омрачен душой, я на бой пошел.
Словно стая туч над зубцами
круч,
Милый друг сестра, брат твой в
бой пошел.*

*А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей,*

Ты ищи, сестра, воронá коня,
Он копытом бьет в тишине по-
лей.

Не ищи душа, не ищи дружка,
На хмельном пиру, средь товари-
щей,
Взвоят горный ветер, кинет
горсть песка
В твоего дружка, на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра — горевать, ры-
дать,
Рассыпать цветы над могилою...

Аветик Исаакян. «От алой розы, розы любви...»

*От алой розы, розы любви,
Увы — остались одни шипы!*

*Шипы сухие в сердце впились,
В младое сердце вошли они,
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви.*

*Всё, всё, что есть от дней вес-
ны, —
Вы, вы, колючие шипы!*

Аветик Исаакян. «Не глядись в черный взор...»

*Не глядись в черный взор,
В нем — безбрежность ночей,
Ужас тьмы, духи гор, —
Бойся черных очей!*

*Видишь: сердце — кровавый ру-
чей, —
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся черных очей!*

Аветик Исаакян. «Снилось мне — у соленой волны...»

*Снилось мне — у соленой волны,
Ранен в сердце, я тихо прилег;
Навевая мне нежные сны,
Набегают волна на песок.*

*Снилось — мимо проходят дру-
зья,
Веселятся, поют и кричат;
Но никто не окликнул меня.
Я молчу, и тускнеет мой взгляд.*

Аветик Исаакян. «Ночью в саду у меня...»

*Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.*

*Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы — кудрями отрет.*

Аветик Исаакян. «В разливе утренних лучей...»

*В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.*

*Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчаст-
ный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!*

Аветик Исаакян. «Схороните, когда я умру...»

*Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.*

*Чтобы возле могилы моей
Кольхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.*

Ноябрь-декабрь 1915

Плудонис. Реквием

*Лежать и мне в земле сырой!..
Другой певец по ней пройдет.
Козлов*

*Сон мой храните, возницы!
Тише влеките мой прах!
Чтоб не встряхнуть колесницы
Там, на курганных песках!..
Ветер, о чем твои муки?
Лес, что ты тяжело шумишь? —
Или, в томленьи разлуки,
Ты мне «прости» говоришь?
Ручеек! Твой поток
Быстро в роще гнет цветок!
Мой привет!.. Когда весною
Будут юных звать мечтою
Соловьи на берег твой, —
Порастет мой холм травой.
Помаленьку, шажком,
Бледным вереском, песком
Где игра была мне в радость,
Где ребенку жизни сладость
Улыбнулась за холмом, —
Помаленьку, шажком!
Чу! Точно теплой струею*

Дождик бежит по щеке:
Матери сердце больное
В жгучей изныло тоске.
Матери счастье сулил я,
Радости старческих дней,
Горе взамен навалил я
На спину бедную ей.
Мать, постой!.. Час-другой —
Смерть придет и за тобой!..
Там, где тишиной небесной
Насладится бестелесный,
Там мы встретимся опять, —
Потерпеть недолго, мать!..
Помаленьку, шажком
Мы до цели добредем...
Торопливо жизнь промчал я,
Второпях и путь скончал я, —
Так пора забыться сном...
Помаленьку, шажком!
Нет, не под звоны бокала,
Не на паркетном полу, —
Мать моя люльку качала
В темном и дымном углу.
Слезы стекали ручьями
В полный до края сосуд;
Верными были друзьями —
Голод, да горе, да труд.
Так умри, сяк умри —

Только юностью гори;
Лишь огонь любви горячей —
Жизни свет животворящий,
Всем нам, всем судьбою дан
Мильды[12] сладостный обман.

Помаленьку, шажком,
Тихим долом и леском!..
Уж звонят с клабіща... Тише!..
Поднимайте гроб мой выше
И несите в тихий дом
Полегоньку, шажком!

Кто на пути недвижимый,
Бледный, как мрамор, застыл? —
Братец мой! Братец любимый!..
Дорог ты в мире мне был!..
Стихли сердечные боли...
Мы разлучились в пути...
Здесь уж не встретимся боле,
Выйди, скажи мне «прости».

Замкнут круг — персть мне друг,
Не ломай напрасно рук:
Пусть, борьбой суровой свален
В груды трупов и развалин,
Пал товарищ боевой, —
Всё разит и бьет живой.

Помаленьку, шажком!..
Под дерновым бугорком
Не тревожьте погребенных,
Тягой жизни утомленных,
Усыпленных сладким сном...
Помаленьку, шажком!

Ветками елок — могила,
Зеленью дышит земля.
Тихая пристань укрыла
Сломленный стан корабля.
Радость и горе простыли,
Тяжкая смолкла борьба.
Да и тебя ведь к могиле
Гонит, счастливцев, судьба!

Человек прожил век,
В ночь уходит человек...
Вот над бедною могилой
Встал другой — с живою силой
Мысль к великому стремится, —
Час настал — и он зарыт.
Полегоньку, шажком,
В тихий дом, в подземный дом! —
Пядь пути, еще мгновенье —
И навек успокоенье
Под дерновым холодком...
Полегоньку, шажком!

*Милые! Кончено с вами:
Сырость ложится на грудь;
Здесь, в этой сумрачной яме,
Горестный кончился путь.
В белый песок испарится,
Словно сугроб от лучей,
Всё, чем борец веселится, —
Мир величавый идей.*

*Меркнет свет, солнца нет:
Дверь скрипит за мной вослед;
С шумом персть на гроб валится,
Холм песчаный громоздится...
Песня тихая, сквозь сон...
Отдаленный, сонный звон...*

*Помаленьку — уснем,
Помаленьку — уснем...*

24 ноября — 1 декабря 1915

Финские поэты

Л. Онерва. Не страшусь

*Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла свод:
Знаю — мощной мысли сила
Из могилы путь найдет.*

*Не страшусь, пусть вечер алый
Озаряет небосклон:
Тень улыбки самой малой
В книгу впишется времен.*

*И замолкший дух из бездны
Зазвучит издалика,
Упадая ливнем звездным
На грядущие века.
6 декабря 1915*

И.Л. Рунеберг. Наш край[13]

*Наш край, наш край, наш край
родной, —
О, звук, всех громче слов!
Чей кряж, растущий над землей,
Чей брег, встающий над водой,
Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?*

Ступай, надменный чужезвер,
Ты звону злата рад!
Наш бедный край угрюм и сер,
Но нам узоры гор и шхер —
Отрада, слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Нам люб потоков наших рев,
Ручьев бегущих звон,
Однообразный шум лесов,
Свет звезд, прозрачность вечеров,
Всё, всё, чем слух был поражен,
Чем взор был полонен.

Здесь с мыслью, с плугом и с ме-
чом
Отцы ходили в бой,
Здесь ночь за ночью, день за днем
Народный дух пылал огнем —
В согласи с доброю судьбой,
В борьбе с судьбою злой.

Кто счет народным битвам вел,
Когда всё вновь и вновь
Война неслась из дола в дол,
Мороз и глад за ним пришел, —
Кто мерил пролитую кровь,
Терпенье и любовь?

Да, здесь, вот здесь та кровь тек-
ла,
За нас текла тогда,
Душа народа здесь цвела
И тяжким вздохом изошла
В давно прошедшие года
Под бременем труда.

Здесь — наше всё, здесь — свет-
лый рай,
Отрада наших дней!
Как рок жестокий ни пытай —
Он всё при нас, родимый край.
Что ж нам любить еще полней,
Святей и горячей?

И здесь, и там блуждает взор,
Я руку протяну —
Взгляни на радостный простор,
Вон берега, вон рябь озер,
Взгляни на всё, как я взгляну
На милую страну.

И пусть на нас прольется свет
Из тверди золотой,
Пусть станет жизнь игрой пла-
нет,
Где слез не льют, где вздохов нет,

*А всё — убогий край родной
Мы помянем с тоской.*

*О, край, многоозерный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный
край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!*

*Он расцветет, твой бедный цвет,
Стряхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блеск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.*

8 декабря 1915

И.Л. Рунеберг. Лебедь

*Июньский вечер в облаках
Пурпуровых горел,
Спокойный лебедь в тростниках
Блаженный гимн запел.
Он пел о том, как север мил,
Как даль небес ясна,
Как день об отдыхе забыл,
Всю ночь не зная сна;*

Как под березой и ольхой
Свежа густая тень;
Как над прохладною волной
В заливе гаснет день;

Как счастлив, счастлив, кто най-
дет
Там дружбу и любовь;
Какая верность там цветет,
Рождаясь вновь и вновь.

Так от волны к волне порхал
Сей глас простой хвалы;
Подругу к сердцу он прижал
И пел над ней средь мглы.

Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.
24 января 1916

Н. Рунеберг. Марш мертвецов

Упорной колонной мы строимся
там,
Где гибнут живые толпами.
Всё новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами.

*Пробитая грудь, окровавленный
лоб —
Так рать наша бьется из гроба,
Ее не пугают опасность и гроб,
Не трогают зависть и злоба.
Слабеет в сраженьи живая рука,
Оружие может сломаться,
А наши деянья не знают врага,
Не могут ничем запятнаться.*

*Да, новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами,
Победной колонной мы держимся
там,
Где гибнут живые толпами.*

11 декабря 1916

3. Топелиус. Рабочая песня

*Рабочие-друзи, наш радостен
труд
Финляндии, матери нашей.
Мы мерим глубины озер и запруд,
Мы правим ремесла и пашем.
Упорным трудом
Мы ставим ей дом,
Чтоб мать не осталась на месте
пустом,
В нужде не увяла,*

*Не стала работой,
От нас получала
Свой хлеб и покой.
Рабочие-друзи, наш радостен
труд
Финляндии, матери нашей.*

*Прекрасная мать в лучезарной
красе
Нас крепко к груди прижимает,
И сердца биенья мы слушаем все,
Лишь только борьба затихает.
Чтоб долг отплатить,
Добро отдарить, —
Мать в жемчуг и в золото надо
рядить.
В поток полноводный
Ей любо смотреть;
Нам — жить с ней, свободной,
И с ней умереть.*

*Прекрасная мать в лучезарной
красе
Нас крепко к груди прижимает.*

12 декабря 1915

3. Топелиус. Млечный путь

*Погашен в лампе свет, и ночь спо-
койна и ясна,*

На памяти моей встают былые
времена,
Плывут сказанья в вышине, как
перья облаков,
И в сердце странно и светло, пе-
чально и легко.

И звезды ясно смотрят вниз, бла-
женствуя в ночи,
Как будто смерти в мире нет,
спокойны их лучи.
Ты понял их язык без слов? Леген-
да есть одна,
Я научился ей у звезд, послушай,
вот она:

Далёко, на звезде одной, в величьи
зорь он жил,
И на звезде другой — она, среди
иных светил.
И Саламí звалась она, и Зуламíт
был он,
И их любовь была чиста, как
звездный небосклон.

Они любили на земле в минувшие
года,
Но грех и горе, ночь и смерть их

развели тогда.
В покое смерти крылья им про-
зрачные даны,
И жить на разных двух звездáх
они осуждены.

Сны друг о друге в голубой пусты-
не снились им,
Меж ними — солнечный простор
сиял, неизмерим;
Неисчислимы миры, создание рук
творца,
Горели между ним и ей в сияньи
без конца.

И Зуламит в вечерний час, сжига-
емый тоской,
От мира к миру кинуть мост за-
думал световой;
И Салами в тоске, как он, — и
стала строить мост
От берега своей звезды — к нему,
через бездну звезд.

С горячей верой сотни лет упор-
ный длится труд,
И вот — сияет Млечный Путь, и
звездный мост сомкнут;

Весь охватив небесный свод, в зенит уходит он,
И берег с берегом другим теперь соединен.

И херувимов страх объял; они к творцу летят:
«О, господи, что Салами и Зуламит творят!»
Но всемогущий им в ответ улыбкой просиял:
«Я не хочу крушить того, что жар любви сковал».

А Салами и Зуламит, едва окончен мост,
Спешат в объятия любви, — светлейшая из звезд,
Куда ни ступят, заблестит на радостном пути,
Так после долгих бед душа готова вновь цвести.

И всё, что радостью любви горело на земле,
Что горем, смертью и грехом разлучено во мгле, —
От мира к миру кинуть мост

пусть только сил найдет, —
Верь, обретет свою любовь, его
тоска пройдет.

24 января 1916

3. Топелиус. Летний день в Кангасала[14]

Качаюсь на верхней ветке
И вижу с высоких гор,
Насколько хватает зренья,
Сиянье синих озер.
В заливах Лэнгельмэнвеси
Блестит полоса, как сталь,
И нежные волны Ройнэ,
Целуясь, уходят вдаль.
Ясна, как совесть ребенка,
Как небо в детстве, синя,
Волнуется Весиэрви
В ласкающем свете дня.
На лоне ее широком —
Цветущие острова;
Как мысли зеленой природы,
Их нежит волн синева.

Но сосны сумрачным кругом
Обстали берег крутой,
На резвую детскую пляску
Так смотрит мудрец седой.

Созревшие нивы клонят
Лицо к озерным зыбям,
Цветы луговые дышат
Навстречу летним ветрам.

Финляндия, как печален,
А всё красив твой простор!
И златом и сталью блещет
Вода голубых озер!
Звучит и печаль и радость
В напевах финской струны,
И в мерном качаньи песен —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы у меня крыла.
Была б я орлом могучим
И к небу взлететь могла, —
Летела бы выше, выше,
К престолу бога-отца,
К ногам его припадая,
Молила бы так творца:

«Могучий владыка неба,
Молитве птички внимли:
Ты создал дивное небо!
Ты создал прелесть земли!
Сиять родимым озерам

*В огне любви нашей дай!
Учи нас, великий боже,
Учи нас любить наш край!»*

3 февраля 1916

Я. Тегенгрэн. Земля есмь

*Мечтать о небесном царстве
Не надо душе моей,
Вон жаворонок трепещет —
Его крыло мне милей,
След вальдшнепа на пригорке,
И солнечный луч в траве —
Всё, всё, что звенит и блещет
И радуется земле.*

*Найду ль в неизвестном небе
Замену земных отрад?
Земля пробудила к жизни,
Земля возвратит назад,
В тот угол любимой персти,
Где отдых узнаю я.
Траве и светлой былинке —
Родная душа моя.*

*Душа — родная пылинке
На крылышках мотылька,
Росе прозрачной и чистой
В раскрытой чаше цветка.*

Мечусь я с мятежным ветром,
С печальной птицей кричу.
Земля я, я — персть земная,
И в персть отойти хочу.

24 января 1916

Сем Бенелли. Рваный плащ

1. Песенка для Герардо́

*Карнавал, вертлявый бес,
В брюхо курице залез.
Курица в страхе
Жалуется папе!*

*Папа взял сухой сучок,
Покропил водой стручок,
Курица, проглоти,
Карнавала отпусти!*

*Сдуру курица взяла,
Проглотила — померла...
Карнавал прозевал,
Вместе с нею подыхал...*

2. Монолог Изумруда

*Ваш умный спор, синьоры, беспо-
лезен.*

*Поэзия похожа на цветок.
Цветок играет всем богатством
красок,
Цветет под знойной, жаркой лас-
кой солнца.
Так и поэзия — она цветет
Лишь там, где жар любви ее лас-
кает.
И потому не нүжды убирать
В наряды вычур душу молодую.
Довольно — волноваться и стра-
дать.
Кто видел ночи дымку голубую,
Над садом разлитой вечерний
свет,
И был в душе взволнован, — тот
поэт.*

(К академикам)

*Когда бы только вам принад-
лежала
Поэзия, — она бы умерла,
Синьоры, с вами вместе. Для лю-
дей,
Не знавших ни страданья, ни люб-
ви,
Свет был бы пуст, они бы не на-
шли*

Источника, где жажду утолить.

Август 1919

Шекспир. Песенка Дездемоны

В тени сикоморы душа, изнывая...

Поют про зеленую иву...

Рука на груди, на коленях другая...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Бежали ручьи, отвечали томленьям...

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

Соленые слезы смягчали каменья...

(Отложи это.)

Поют про зеленую иву, про иву, про иву...

(Пожалуйста, уходи отсюда, — он придет.)

Про иву, про иву, она мне — зеленый венок.

Пусть он от людей не увидит прощенья, —

Мне мил его гнев и понятно презренье...

(Нет, это не то... Послушай!

*Кто стучит?)
(Эмилия. Это ветер.)
Неверным звала я... а он говорил...
Поют про зеленую иву, про
иву, про иву...
Люби ты мужчин, как я женщин
любил...*

Ноябрь 1919

**Шиллер. Брут и Цезарь
Отрывок**

Цезарь

*Сын, ты стал великим из вели-
ких,
Поразив отца кинжалом в грудь.
Пусть до адских врат несутся
клики:
Брут мой стал великим из вели-
ких,
Поразив отца кинжалом в грудь.*

Брут

*Погоди, отец! — Во всей вселенной
Одного я только знал,
Кто, как Цезарь, несравненный:
И его ты сыном называл.*

*Рим один лишь Цезарь уничто-
жит,
Цезаря один лишь Брут сразит;
Брут живет — так Цезарь жить
не может,
Разойдемся — так судьба велит.*

1919–1920

Шуточные стихи и сценки

Автопародии

1

*За сучок сухой березы месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Бег минут топчущий вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.*

*Вечность ли вздохнула над березами кудрявыми?
Облака прозрачные на закат сбегжали.
Синих елок крестики сделались кровавыми,
Крестики зеленые розовыми стали.*

*Встал я и задумался над ярким мухомором.
Что ж в груди затеплилось скрытое рыданье?
Мне не стыдно плакать под небесным взором:
В светлом одиночестве сладост-*

но страданье.

2

Мне снилось недавно. Как будто в
театральном
Стою я коридоре, и во все концы
Идут люди, люди. Отблеском пе-
чальным
Озарялись лица, и я знал: это
мертвецы.

Были шедшие передо мной изящно
одеты.
Но мгновеньями из-под причесок
сверкали черепа,
Под шубами и ротондами чуялись
скелеты,
Шла, говорила, смеялась пестрая
толпа.

И я с нею слился, утонул в этом
мертвом море.
Белые саваны, погребальные вен-
цы.
Было скучно. Я смотрел в равно-
душном горе,
И всё двигались, двигались мерт-
вецы.

Января 1913

«Укрощение строптивой»

(Составлено по трагедии Шекспира)
Обстановка: «дежурный павильон»,
сооруженный по указанию Евтихия Карпова

Она

*Зайди в хороший магазин
(Ты слышишь, не в плохой, в хоро-
ший),
Купи Агафьюшке калоши,
А мне — коробочку сардин
Копеек в шестьдесят — не больше
(А то есть в рубль — ту не бери),
А там, коль хочешь, до зари
Строчи свои статьи о Польше,
Забудь кузин, будь верен мне,
Не трать так много — мы не
Крезы.
Ах, вот еще: купи поэзы
На Петербургской стороне
У букиниста. Требууй скидки
Процентов в десять. Положи
Дорогой эти две открытки
В почтовый ящик. Прикажи*

*Степану отнести картонки
К Захаровым. Вотри очки
Семену Ильичу Гребенке,
Чтобы Трезоркины щенки
Не околели слишком рано,
А то — неловко нам сказать
В глаза седому ветерану,
Папаше...*

Он

Стой! Дай записать!

Она

*Ты попусту теряешь время,
А время — деньги. Так нельзя.*

Он

*О, непосильно это бремя!
И прямо в гроб — моя стезя!*

Она

*Ты лучше б этот слог высокий
Для диссертаций поберег!*

Он

*До диссертаций ли? Все сроки
Я пропустил. И на порог
Меня не пустят оппоненты...*

Она

*А кто ж, голубчик, виноват?
Не сам ли ты?*

Он (робко)

*Вчера студенты
Кричали мне: «Виват! Виват!»*

Она (смягчаясь)

*Ну, то-то же. Хоть популярность
Свою сумеи ты поддержать!*

(Вновь ожесточаясь)

*О, боже! Это ль не бездарность!
И мне за это отвечать!
Мне — внучке генерал-майора!
Нет! Если будет как теперь,
Я разведусь с тобою скоро
И к тетушке уеду в Тверь!*

Он

*Смени на милость гнев суровый
И выслушай меня, мой свет:
Я не такой уж бестолковый,
Как ты привыкла думать. Нет!
Я пошутил, и без записки
Запомнил порученья я...*

Она

Ш-ш-ш! Слышишь за стеною писки?

Он

*Ну что ж?.. Соседская свинья —
Не более, мой ангел...*

Она

Тише!

Он

А, может быть...

Она

Молчи, осел!..

Он

А, может быть...

Она

Что!?!?

Он

...просто мыши...

Она

*Ты, кажется, с ума сошел!
Там режут, грабят, убивают!*

Он

И в самом деле, вот те раз...

Она

*Тебе подумать не мешает,
Чтоб не зарезали и нас!..*

Он

Так как же быть?

Она

*Закрой окошко.
И заряди свою пистоль...*

Он

Изволь, мой друг, изволь, изволь...

Она

*Ах, боже мой, да это кошка...
И только-то!*

Он

Что́ я сказал!

Она

Болван!

Он

А ты — болвану пара.

Она

*Смотри! Я выйду за гусара,
Отец мой — важный генерал.*

Он

Слыхали!

Она

Что?!?!

Он

Слыхали!..

Она

Что же?

Он

Соврать недорого возьмешь!..

Она

*Что слышу я? О, боже, боже!
Давно бы так! Как ты хорош,*

Приват-доцент мой славный, в гнев!

Он

Поговори еще!..

Она

*Герой!
Молчу, как подобает деве...*

Он *(победоносно)*

Тебе уж семьдесят второй!

(Поют и танцуют, взявшись за руки)

Она

*Я была буйней огня
И коней ретивых!*

Он

*Поучитесь у меня
Укрощать строптивых!*

Она

*А теперь вот я усну,
Словно на перине!*

Он

*Только сплавлю я жену, —
Побегу к кузине!*

Она

*Только спавит он жену, —
Побежит к кузине!*

(Танцы)

Эта пьеса тщательно рекомендуется для всех с. — петербургских театров-миниатюр, отличаясь по своему характеру веселостью содержания и производящая безусловный фурор на господ зрителей.

Всё ново! Сатира и юмор!

Всё оригинально!

Там же имеются заново роскошно отделанные кабинеты!

(Устрицы черномордские 10 шт. — 1 р. 50 коп., 5 шт. — 75 коп.)

15 декабря 1913

Сцена из исторической картины «Всемирная литература» [15]

(X столетие по Р.Хр.)
Место действия — будуар герцогини.

Блок

*...В конце ж шестого тома Гейне,
там,
Где Englische кончаются
Fragmente[16],
Необходимо поместить статью
О Гейне в Англии: его влиянье
На эту нацию, и след, который
Оставил он в ее литературе.*

Тихонов

*Реплики этого лица имеют только
мужские окончания.
Кому ж такую поручить ста-
тью?*

Блок

*Немало здесь различных специа-
листов,
Но каждый мыслит только о сво-*

*ем:
Лозинский только с богом гово-
рит;
Волынский — о любви лишь; Гуми-
лев —
Лишь с королями. С лошадьми в
конюшне
Привык один Чуковский говорить.*

Чуковский (запальчиво)

*Неправда! Я читаю в Пролеткуль-
те,
И в Студии, и в Петрокомпромис-
се,
И в Оцупе, и в Реввоенсовете!*

И этот стих не дает разгадки понятия «Оцуп»; если это был человек, то Чуковский мог «читать» только в его душе; если — учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительная ячейка, где Чуковский читал лекции.

Блок

*Корней Иванович! Ведь вы меня
Не поняли! Сказать хочу я толь-
ко,
Что вы один могли бы написать*

Статью о Гейне...

Чуковский (ехидно)

*«Эссеис», вероятно,
Угодно было вам сказать?*

Блок

Да-с. Эссеис-с.

Чуковский (с воплем)

*Мне некогда! Я «Принципы» пишу!
Я гржебинские списки составляю!
Персея инсценирую! Некрасов
Еще не сдан! Введенский, Диккенс,
Уитмэн
Еще загромождают стол! Шев-
ченко,
Воздухоплаванье...*

Блок

*Корней Иваныч!
Не вы один! Иль не в подъем? На-
тужьтесь!
Кому же, как не вам?*

Замятин

*Ему! Вестимо —
Чуковскому!*

Браудо

Корней Иванович, просим.

Волынский

Чуковский сочинит свежо и нервно!

Все

Чуковскому! Чуковскому писать!

Чуковский пытается еще что-то возразить, но коллективный вопль всемирных литераторов заглушает его слабый голос. Дело грозит превратиться, как и во все исторические эпохи, в скверную историю. Чуковский, обесиленный, опускается в сломанное кресло, которому все еще нет цены.

Антон, входя, сует ему записку.

Чуковский *(слабым голосом)*

Пусть подождут. Их сколько там?

Антон

Тринадцать.

Тихонов

*Итак, Коней Иваныч, сдайте нам
Статью в готовом виде не позд-
ней,
Чем к Рождеству.*

Чуковский

Какого года?.. Стиля?..

Тихонов

*Год — этот. Стил — маркси-
стам всё равно.*

Чуковский (*пытаясь переменить разго-
вор*)

*А может быть, не Стил, а Адди-
сон?*

Тихонов

Нет, новый стиль.

Чуковский (*все еще притворяясь непони-
мающим*)

Классический?

Тихонов

*Советский!!!
Чтоб было крепче, просим Евдо-*

*кию
Петровну это записать.*

Чуковский (уничтоженный)

Сдаюсь...

Тихонов

*Счастливой вестью с вами поде-
люсь...*

В этом месте рукопись обрывается. Предполагают, что Тихонов завел речь или о керосине, или о дровах, или о пайке; во всяком случае о чем-то приятном, судя по тому, что здесь впервые появляется рифма.

Насколько известно, статья Чуковского «Гейне в Англии» действительно была сдана в набор после Рождества 1919 года. Она заключала в себе около 10000 печатных знаков, ждала очереди в типографии около 30 лет и вышла в свет 31 вентоза 1949 года, причем, по недосмотру 14-ти ответственных, квалифицированных, забронированных и коммунальных корректоров, заглавие ее было напечатано с ошибкой, именно: «Гей не в ангелы».

Осень 1919

Enjambements

*Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не
два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».*

21 ноября 1919

Стихи о предметах первой необходимости

*Нет, клянусь, довольно Роза
Истошала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловьиный сад поблек,
Пропитанию угроза —
Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)*

Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза —
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, —
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок?

В этом мире, где так пусто,
Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой,
Ежесдневно в щи клади,
Не взыщи, что щи не густы —
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят — того гляди
(«Книг чтоб не было в шкапу
ста!») —
Скажет Брюсов, погоди),
И, когда придет Локуста,
К ней в объятья упади.

Имена цветка не громки,
Реквизируют — как раз,
Но носящему котомки
И капуста — ананас;
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,

*А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
Здравствуем и посейчас
(Да-с).*

*Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?*

6 декабря 1919

Продолжение «Стихов о предметах первой необходимости»

(Приписываются В. Брюсову)

*Скользили мы путем трам-
вайным:
Я — керосин со службы нес,
Ее — с усердьем чрезвычайным
Сопровождал, как тигр, матрос...*

*Вплоть до колен текли ботинки,
Являли икры вид полен,
Взгляд обольстительной кретин-
ки
Светился, как ацетилен.*

*Когда мы очутились рядом,
Какой-то дерзкий господин
Обжег ее столь жарким взгля-
дом,
Что чуть не сжег мой керосин.*

*И я, предчувствием взволнован,
В ее глазах прочел ответ,
Что он — давно деклассирован,
И что ему — пощады нет.*

*И мы прошли по рвам и льдинам,
Она — туда, а я — сюда.
Я знал, что с этим господином
Не встречусь больше никогда.*

10 декабря 1919

«Хотел я, воротясь домой...»

*Хотел я, воротясь домой,
Писать в альбом в стихах,
Но — ах!
Альбом замкнулся сам собой,
А ключ у Вас в руках,
И не согласен сам замок,
Чтобы вписал хоть восемь строк
Писать стихи забывший
Блок.*

Июнь 1920

«Как всегда, были смешаны чувства...»

*Как всегда, были смешаны чув-
ства,
Таял снег и Кронштадт палил.
Мы из лавки Дома искусства
На Дворцовую площадь брели...
Вдруг — среди приемной совет-
ской,
Где «все могут быть сожже-
ны», —
Смех, и брови, и говор светский*

Этой древней Рюриковны.

15 марта 1921

Приложения

Из примечаний к сборнику «Снежная ночь»

Северные ночи длинны, синева их изменчива, видения их многообразны. Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню — многоцветную снежную ночь. Называя сем именованную последнюю книгу моего нынешнего собрания стихотворений, я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи свет последних закатов, и ее медленную убыль — первые сумерки утра.

Январь 1912

К поэме «Возмездие»

Возмездие. Первая редакция поэмы (Варшавская поэма)

*Посвящается сестре моей Ангелине
Блок*

1

*Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые...
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Все дышит ядами химеры;
Коперник сам лелеет мечь,
Склонясь на обод полой сферы...
Мечь, мечь — в холодном чугу-
не
Звенит, как эхо, над Варшавой,
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот — оттепель: блеснет живею
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг — ласкательный и
льстивый.
Всё, что на небе, на земле,*

Повито злобой и печалью...
Лишь рельс в Европу в черной мгле
Поблескивает верной сталью.

2

Отец лежал в «Аллее роз»,
Уже с усталостью не споря.
А поезд мчал меня в мороз
От берегов родного моря.
Вошел я. «В пять он умер. Там», —
Сказал поляк с любезной миной.
Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орли-
ный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате чужой и тесной
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый; бессловес-
ный.
Застывший в мертвой красоте,
Казалось, он забыл обиды:
Он улыбался суете
Чужой военной панихиды.
Но я успел в лице признать
Печать отверженных? скиталь-
цев
(Когда кольцо с холодных пальцев
Мне сторож помогал снимать).

3

Да, я любил отца в те дни
Впервой и, может быть, в послед-
ний...

В толпе затеплились огни
Вослед за скучною обедней...
И чернь старалась как могла;
Над гробом говорили речи;
Цветами дама убрала
Его приподнятые плечи.

Потом — от головы до ног
Свинцом спаяли ребра гроба
(Чтоб он, воскреснув, встать не
мог, —

Покойный слыл за юдофоба).
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга.
Бесснежная визжала вьюга
Злой день сменяла злая ночь.

4

Тогда мы встретились с тобой.
Я был больной, с душою ржавой...
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной?)
Над черной Вислой — черный

бред?

Как скучно, холодно и больно!
Лишь ты напоминала мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

5

Мы шли за гробом по пятам
Из города в пустое поле
Но незнакомым площадям.
Кладбище называлось: «Воля».
Да, песнь о воле слышим мы, —
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала, Когда...
На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то воль-
ным;
Кончалась скука похорон.
Здесь радостный галдеж ворон

Сливался с гулом колокольным.
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь сгорела.
И солнце тихо посмотрело
В могилу бедную отца...

6

Отца я никогда не знал.
А он — от первых лет сознанья —
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья.
Мы жили в разных городах,
Встречались редко и случайно.
Он был мне чужд во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).

Его циничный тяжкий ум
Внушал тоску и мысли злые
(Тогда я сам был полон дум,
И думы были молодые).
И только добрый, льстивый взор,
Бывало брошенный украдкой
Сквозь отвлеченный разговор,
Был мне тревожною загадкой.
Ходил он посидеть, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость.

А мне его бывало жаль...
И он, как я, ведь принял с детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.

7

Правдивы вы — и без прикрас,
Стихи печальные поэмы! —
Да, нас немного. Помним все мы,
Как зло обманывали нас.
Мы, современные поэты,
О вас, от вас мы плачем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты!
Пусть будет прост и скуден храм,
Где небо кроют мглою бесы,
Где слышен хохот желтой прес-
сы,
Жаргон газет и визг реклам,
Где под личиной провокаций
Скрывается больной цинизм,
Где торжествует нигилизм —
Беспольный спутник «стилизаций»,
Где «Новым временем» смердит,
Где хамство с каждым годом —
пуще,
Где полновластны, вездесущи
Лишь офицер, жандарм — и жид,

Где память вечную Толстого
Стремится омрачить жена...
Прочь, прочь! — Душа живя — она
Полна предчувствием иного!
Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светы...
Попомни Тютчева заветы:
«Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои».

8

Пусть зреет гнев. Пускай уста
Поэтов не узнают мира. —
Мы в дом вошли. Была пуста
Сырая, грязная квартира;
Привыкли чудачком считать
Отца; на то имели право;
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Жил одиноко, мрачно, странно;
Ходил в дешевый ресторан
Поестъ. На площади туманной
Его встречали: он бочком
Шел быстро, точно пес голодный,
В шубенке старой и холодной
С истрепанным воротником;
И видели его сидевшим

На улице, на груди шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Согнувшись, с взглядом опустев-
шем.
Он понемногу «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим стро-
го;
Не освежалась много лет
Его убогая берлога:
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья
В коробках из-под папирос,
Белья нестиранного груды,
Портреты, письма дам, родных,
И даже то о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»;
Так с жизнью счет сводя печаль-
ный,
И попирая юный пыл,

Сей Фауст, когда-то радикаль-
ный,
«Правел», слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — томи-
ла,
И равнозначны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
До смерти вольную мечту;
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямилась сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слез в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон.

9

Страна под бременем обид,
Под гнетом чуждого насилья,
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Скудеет национальный гений,
И голоса не подает,

Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ,
И лишь о сыне-ренегате
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагам — прокля-
тье
(Ведь старым нечего терять)...
А сын — он изменил отчизне,
Он жадно пьет с врагом вино...
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

10

Не так же ль и тебя, Варшава,
Столица древних поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Здесь жизнь скрывается в подпо-
льи;
Молчат магнатские дворцы;
Лишь Пан-Мороз — во все концы
Свирепо рыщет на раздолы;
Неустово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взмахнутся бурей над домами, —
Иль конь заржет — и звоном
струн

*Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешенный по-
вод —*

*И четко повторит чугуном
Удары мерзлого копыта
Но опустелой мостовой?
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...*

11

*Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней, —
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым, запушённым садом,
И небо — книгу между книг...
Найдешь в душе опустошенной*

Ты образ матери склоненной,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Свою холодную любовь —
Всё примешь сердцем благодар-
ным,
И всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно бо-
ле,
Чем «quantum satis» Бранда воли,
А мир — свободен, как всегда.

12

Отец! Ты знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Твоей души — какой-то гений
Печальный проникал порой:
Твои озлобленные руки
Будили Рубинштейна звуки,
Ты ведал холод за спиной,
И, может быть, в преданьях тем-
ных
Твоей души, в глуши, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брежжит память

эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог!
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «горе от ума»...

13

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступленья нить,
Но знай — иду я к цели смело,
Чтоб истину установить.
Кто б ни был ты, — среди обедов,
Или храня служебный пыл,
Ты, может быть, совсем забыл,
Что был чиновник Грибоедов,
Что службы долг не помешал
Ему увидеть в сне тревожном
Бред Чацкого о невозможном,
И Фамусова шумный бал,
И Лизы пухленькие губки...
И — завершенье всех чудес —

Ты, Софья... Вестница небес,
Или бесенок мелкий в юбке?
Я слышу возмущенный крик:
«Кто ж Грибоедова не знает?» —
«Вы, вы!» — Довольно. Умолкает
Мой сатирический язык, —
Читали вы «Милльон терзаний»,
Смотрели «Горе от ума»...
В умах — всё сон полусознаний, —
В сердцах — всё та же полу-
тьма...
«Твой Врубель — кто?» — отвсю-
ду разом
Кричат... Кто Врубель? — На, ло-
ви!..
(О, господи благослови...)
Он был... печерским богомазом.
Пожалуй, так собьюсь с пути —
Всё объясняю да толкую...
Ты пропусти главу-другую,
А впрочем (бог тебе прости)...
Хоть всю поэму пропусти.

14

С тобою связь я стал терять,
Читатель, уходя в раздумья,
Я голосу благоразумья
Давно уж перестал внимать...

Передо мной открылись бездны...
И вдруг — припоминаю я:
Что, если ты — колпак уездный,
Иль, скажем, ревностный судья?..
Иль даже чином много выше?
Я твой не оскорблю устав:
С пучком своих четверостиший
На землю вновь лечу стремглав...
Эй, шибче! Пользуясь моментом,
(Чтоб ты меня не обзывал
«Кривлякою» и «декадентом»),
Зову тебя к себе на бал!
Знакомьтесь: девушка из скром-
ных —
Она тебя не оскорбит,
Застенчивость, и даже стыд,
Горят во взорах Музы томных,
С ней смело танец начинай...
А если ты отец семейства, —
Эй, Муза! чур, без чародейства,
Кокетничай, да меру знай!
Читатель! Веселее! С богом!
Не раскисай хоть на балу!
Не то опять высоким слогом
Я придушу тебя в углу!
Она — ты думал — неуклюжа,
И неречиста, и скучна?
Нет, погоди, мой друг! Она

Сведет с ума любого мужа,
Заставит дуться многих жен,
Пройдясь с тобой в мазурке поль-
ской,
Сверкнув тебе улыбкой скольз-
кой...
(А ты, поди — уже влюблен!)
«Я вас люблю — и вы поверьте!»
(Мой бог! Когда от скромных дев
Вы этот слышали запев?)
Смотри! Завертит хоть до смер-
ти,
Сдавайся! С Музой моей
Ты ждал не этого, признаться?
И вдруг — так страшно запы-
хаться?..
Приляг же, отдохни скорей,
И больше не читай поэмы!
Негодница! Что скажет свет?
Подсовывать такие темы
Читателю почтенных лет?
Прочь с глаз! С такими я не зна-
юсь!
Ступай, откудава пришла! —
Тебя плясунья провела,
Читатель! Так и быть, призна-
юсь:
Повеселить тебя я рад,

*Ища с плясуньями союза,
Но у меня — другая Муза,
А эту — взял я напрокат.*

Январь 1911
«**Матерьялы для поэмы**»

12 октября 1911

Последние годы Александра II. Его зовут... *бодрилка* («заслонка» — домашние). Мешки под глазами, глаза страшные, худой, огромный, циник, губы такие, «точно хочет плюнуть». Дворец (до взрыва) запущен — министр двора старый Адлерберг обижается и не позволяет оказать слова; великий князь Павел Александрович жалуется на дворцовые булки, купил сам у Филиппова гору калачей и баранок. — Александр ездит от великого князя в Михайловский дворец (где пьет чай) — его всегда видно издали: 6 казаков (?) конвойцев кругом (на этом пути и застало его 1 марта).

Турецкая война 1877–1878. Военные действия кончились уже в январе — русские войска подошли к Константинополю. Всеобщее возмущение — зачем его не взяли (Александр обещал не брать англичанам). День получе-

ния известия о взятии Плевны в Петербурге (конец зимы 1877) — сухой бесснежный мороз.

1 марта — яркое солнце, тает.

«Горный Дубняк».

Растерянность 1 марта. Е. О. Романовский пошел во дворец и дошел до гроба — никто его не остановил. Возбуждение на Невском. Выход во дворце — у всех родных заплаканные глаза. Тут же кричат «ура».

Ненависть к Достоевскому («шампанские либералы», обеды Литературного фонда, 19 февраля). Похороны. Убогая квартира, так что гроб еле можно стащить с лестницы. Либеральное тогда «Новое время» описывает, как тело обмывали на соломе. Толпа, венки «певцу униженных и оскорбленных». Диалог в толпе: Митрофан Сергеевич Андреев (рослый студент, ражий, русейший, глупый, милый) оберегает маму; из толпы студентов: «Ну вам-то нечего бояться». Андреев сконфуженно: «Да я не за себя»... Такой мороз, что зашли к Панкину погреться. Бабушка ненавидит Достоевского. А. Н. Бекетов, встречаясь с ним, по мягкости не может ненавидеть. Отноше-

ние — похожее на то, какое теперь к Розанову. Некрасов, декламируя свои стихи, «что хлеб полей нейдет в прок», прибавляет: «А вот если бы бутылочку шампанского, — другое дело» (рассказ И. М. Прянишникова).

А. Н. Бекетов всегда вместе с Щедриным ездит на заседания Литературного фонда, нанимают карету. Уже больной Щедрин. Щедрин у Донона — лакею, принесшему лангусту: «Ступай вон со своим раком». Циник, вечно «злится».

Стасюлевич богат — многие льнут к его деньгам. (Вл. Соловьев — восходящая звезда). Кони — знаменитый присяжный поверенный (кстати — товарищи Ал. Л. Блока — Карабчевский и Нечаев), донжуан, кутила (всё — у и с А. П. Философовой). Всё — в лучших ресторанах, вечное шампанское.

Л. Ф. Пантелеев (он дворянин, хотя не старый) заведовал делами на приисках Базилевского. О нем — Вас. Игн. Котырло (теперь покойный).

Достоевский, увидав А. Л. Блока на вечере у А. П. Философовой: «Кто этот красавец? — *Похож на демона*».

На этом горизонте нет: Лескова (скрытый), Островского (в Москве).

В Милютина (военного министра) верят, в Лорис-Меликове — сомневаются (неизвестна его роль в 1 марта).

Убийца Дрентельна (в Петербурге — киевский генерал-губернатор) ускакал на лошади (о, милые, романтические времена). Два студента говорили в шинельной университета о лошадях. Их тут же арестовали. Это уже — см. Щедринскую «Современную идиллию». Там же — «топография» Петербурга.

Александр II любил гулять в Летнем саду. Дамы старались вертеться перед ним, пока он не заметит, не заговорит и не... Я думаю — выпученные его глаза, что-то страшное и стеклянное в них и сильная одышка — били не от сердца, а от любвей.

Щедрин. 1881

Тетенька с атурами и контурами едет к болгарам, хочет присутствовать на процессе Засулич, устраивает концерты в пользу курсисток.

«Вы, милая тетенька, восклицаете: „Ах,

ведь и я когда-то бредила!“ Но все-таки понимаете, что пол-жизни пробродивши, нельзя сбросить с себя эту хмару так же легко, как сменяют старое, изношенное белье. А домо-чадцы ваши этого не понимают. Отроду они не бредили — оттого и внутри у них не скребет. А у вас скребет». «Мера в предательстве» (том XI, стр. 334). Дорот. На point'e[17] смотрят, как солнце за будку садится.

Современное и дореформенное лганье (XI, 343 и ел.). «Веселие Руси есть лгати». О недохождении писем — стр. 372–374. «Сплошные сумерки» — 375. О литературе — 376. «Кнут стучит по крышке кареты» — это Петербург — 379. «Общество хочет жить».

С. С. Татищев. «Император Александр II, его жизнь и царствование». 2 тома. Изд. Суворина, 1903, ц. 7 р.

Граф Д. А. Толстой — обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880). Последние годы царствования Александра II назначен Победоносцев. 4 апреля 1866 — покушение Каракозова. В апреле 1866 граф Дм. Толстой назначен министром народного просвещения (с остав-

лением обер-прокурором).

1875 — граф Д. Толстой испросил высочайшее соизволение на учреждение при министре народного просвещения под председательством статс-секретаря Делянова комиссии для пересмотра университетского устава (1863 г.).

«Периодически повторявшиеся беспорядки (Петербургский университет был закрыт перед 1863 г.) среди студентов вызвали необходимость усилить за ними надзор, и правилами 1867 года для всех высших учебных заведений вменено *полиции* в обязанность извещать учебное начальство о проступках учащих, совершаемых ими вне заведений, и вообще о всех действиях, навлекающих сомнение в их *нравственной и политической благонадежности*, а начальству учебных заведений — исполнять то же по отношению к *полиции*. Тогда же безусловно воспрещено устройство студентами концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний в пользу недостаточных товарищей...»

Волнения *почти во всех* высших учебных заведениях Петербурга — март 1869 (после

царской грамоты Санкт-петербургскому университету об учреждении 100 императорских стипендий — 8 февраля, по случаю 50-летия).

Новый устав о гимназиях и прогимназиях (*классическая система*) утвержден 30 июля 1871.

1880 — Граф Д. А. Толстой уволен от должности министра народного просвещения, и управляющим министерством народного просвещения назначен статс-секретарь А. А. Сабуров.

Ужас дипломатических переговоров 1875-77 года. Бескорыстие Александра, Горчаков, Жомини, Андраши; Бисмарк — обманул. 7 апреля 1877 года Александр выезжает на юг, говорит по дороге с войсками, приезжает в Кишинев на главную квартиру (главнокомандующий великий князь Николай Николаевич Старший). 25 апреля Александр возвращается в Петербург войска шпалерами на Невском, встреча на Николаевском вокзале.

Военные действия открылись в самый день объявления войны.

12 апреля дунайская армия перешла Прут, кавказская — вступила в Малую Азию (там —

Дризен, Ванновский, Радецкий... здесь — Лорис-Меликов...). Первые успехи. В мае дунайская армия — около Бухареста, кавказская — начало обложения Карса. Александр выезжает 21 мая в действующую армию.

В июне начинают переправляться через Дунай.

В июле первые неудачи под Плевной (на этом умер Никитенко).

Шипка. Главная квартира перенесена в Горный Студень. Климат.

Атака Шипки турками в августе. Раненый Драгомиров. Царь, узнав о потерях, восклицает: «Что же это, наконец, второй Севастополь?» Жара. 12 октября взят Горный Дубняк (гвардия, более 2500 выбыло из строя); 16-го сдался Телиш. 20-го занят Дольний Дубняк. К концу октября Плевна уже обложена со всех сторон, железное кольцо вокруг Османа-Паши. В начало ноября взят Каре.

Конец ноября — взятие Плевны и сдача Османа-Паши.

Царь возвращается в Петербург 10 декабря утром (Варшавский вокзал). Мария Александровна больна и не может встретить. Адресы,

хлеб-соль. С вокзала — в Казанский собор.

12 декабря — торжественное празднование 100-летней годовщины рождения Александра Благословенного, — разные милости по этому поводу.

Накануне Рождества царь получает весть о восьмидневном переходе Балкан генералом Гурко.

В начале января русская армия у Филиппополя и Адрианополя, и турки просят мира.

Новая дипломатическая катавасия. Парад 19 февраля (день восшествия на престол Александра II) — у стен Царырада. Сан-Стефанский мирный трактат.

Перед Берлинским конгрессом — русское правительство опасалось войны с Англией и Австрией.

До самого мира — русские войска стоят под Константинополем, а английская эскадра — в Босфоре. В начале февраля 1879 наши войска двинулись из-за границы. *Мне нужно описание возвращения гвардии в Петербург.*

Весь 1879 г. — козни Бисмарка против России, устройство им союза Германии с Австрией, уламыванье старого Вильгельма, перепис-

ка Вильгельма с Александром.

Герцен издает в Лондоне «Колокол» с половины 1857 г. и не идет в оппозицию *далее* отмены крепостного нрава, телесных наказаний и свободы слова и печати. Первые 6 лет царствования — «внутренний мир».

1861 год. Прокламации. Польские волнения. Студенческие беспорядки в Санкт-Петербурге (исключение и высылка под надзор полиции).

1862 — «усиление брожения». «Молодая Россия» взывает к «всеобщей резне» — разбрасывают *далее* в Зимнем дворце (?), пожары в Петербурге. Отсюда — закрытие воскресных школ, приостановка газет, обыски и аресты.

Чернышевский сослан.

«*Мятеж в Царстве Польском*» 1863 г. «произвел в русском обществе коренной и спасительный перелом». «Молодежь отрезвилась» (!).

1866. «Ишутинский кружок» в Москве, к которому принадлежал Каракозов. Запрещены «Современник» и «Русское слово». Во главе III отделения поставлен граф Шувалов, «во

главе столичной полиции» — генерал-адъютант Трепов. Министром народного просвещения назначен Д. Толстой.

1869. Обнаружено в Москве «Общество Народной Расправы», — «главный зачинщик» — Нечаев, в 1871 — его процесс.

Начало 70-х годов — пропаганда в «народе» и среди рабочих.

1876. Уличная демонстрация перед Казанским собором 6 декабря.

Осень 1877. Открыта тайная типография в Петербурге.

Март 1876. Похороны «одного социалиста» (почти так пишет г. Татищев), умершего в доме предварительного заключения, гроб несут на руках до кладбища.

Январь 1877. Начало ряда политических процессов. О демонстрации на Казанской площади. Потом — дело о кружке московских пропагандистов; дело «Южно-русского рабочего союза». Шесть отдельных дел.

Сентябрь 1877 — январь 1878. Процесс «о революционной пропаганде в империи» («193-х»). «На другой день после состоявшегося приговора Особого присутствия Сената, 24

января 1878 г., Вера Засулич выстрелом из пистолета ранила петербургского градоначальника Трепова». Она оправдана присяжными! 31 марта. Шумная демонстрация в ее честь.

1878. 4 августа убит начальник III отделения и шеф жандармов Мезенцов на улице днем ударом кинжала в живот. Следуют разные правительственные мероприятия, сообщения и призывы.

15 августа Александр II уехал из Царского Села в Ливадию, в Николаеве перед этим раскрыт заговор на него.

Из Ливадии начальникам III отделения и шефом жандармов назначен генерал-адъютант Дрентельн.

22 ноября Александр II возвратился в Санктпетербург. Уволен министр внутренних дел Тимашев и назначен статс-секретарь Маков.

Сильные студенческие волнения в Петербурге осенью 1878 г. (особенно — Военно-медицинская академия). Исключение и высылка нескольких сот. В Петербурге действует «Северный союз» рабочих, издается социалистическая революционная газета «Земля и Во-

ля».

1879 — начинается с новых террористических актов в провинции. 13 марта покушение на Дрентельна в Петербурге. 2 апреля покушение А. Соловьева на Александра II, гуляющего (5 выстрелов; сельский учитель, исключенный из университета студент), — повешен 28 мая. Учреждение временных генерал-губернаторов. В Петербурге — Гурко.

1879. Вторая половина апреля и май — Александр II в Ливадии.

Особое совещание вырабатывает «меры для борьбы с крамолою». Генерал-губернаторы действуют во всю (обыски, аресты, штрафы, паспортисты и пр. и пр.).

В июне — подкоп под Херсонское казначейство.

Совещания революционеров — разделение «Земли и Воли» на «Народную Волю» (царевубийство) и «Черный Передел» (народники).

Организация покушения на Александра II на Московско-Курской дороге; взрыв 19 ноября не под императорским, а под свитским поездом.

22 ноября Александр II возвращается в Пе-

тербург. С 6 октября выходит «Народная Воля». Приготовление взрыва в Зимнем дворце.

1 января 1880 г. на место умершего генерал-адъютанта графа П. Н. Игнатьева председателем Комитета министров назначен статс-секретарь П. А. Валуев. Особое совещание о крамоле.

«Валуев доказывал необходимость для правительства положить конец пассивности благонамеренного большинства населения и создать трибуну, с которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тем противодействовать проповедуемым ежедневно и повсюду революционным началам; великий князь Константин Николаевич ссылался на древнее русское государственное право, на вече, боярскую думу, земские соборы допетровского периода русской истории, а также на перенесенные в Свод законов постановления о созыве депутатов „на случай“ и т. п. Убежденно высказался против нововведений, противных духу коренного государственного строя России, цесаревич Александр Александрович, находя, что созыв представительного собрания... еще более взволнует умы. С мнением

наследника согласились прочие члены Сове щания. В виду приведенных ими веских дово дов, государь решил все дело оставить без по следствий» (так сообщено в дневнике Валуг ва).

5 февраля был взрыв в Зимнем дворце.

8 февраля 1880 г. во дворце. Опять совеща ние. Цесаревич предлагает учредить «Верхов ную следственную комиссию» с обширными полномочиями на всю Россию. 9 февраля Александр II соглашается на учреждение та кой комиссии и ставит во главе ее графа Ло рис-Меликова. С тем вместе упраздняется пе тербургское генерал-губернаторство.

Члены «Верховной распорядительной ко миссии»: Победоносцев (член Государствен ного совета), генерал-адъютант князь Имере тинский, статс-секретарь Каханов, сенаторы Ковалевский, Шамшин и Марков, товарищ главноуправляющего III отделением Соб ственной его величества канцелярии гене рал-майор Черевин, генерал-майор Батьянов и правитель канцелярии министерства внут ренних дел Перфильев.

Лорис-Меликов прежде всего обращается к

жителям столицы.

При таких чрезвычайных и тревожных обстоятельствах празднуется 25-летие царствования Александра II 19 февраля. Пальба, прием гвардейских полков, Государственного совета и Сената, письмо от Святейшего Синода.

На другой день (20 февраля) покушение на Лорис-Меликова, безрезультатное (покушавшийся повешен в 24 часа).

Скоро уволен Дрентельн, и III отделение фактически перешло к Лорис-Меликову.

4 марта — первое заседание «Комиссии». Лорис-Меликов указывает две главные ее задачи: «принятие решительных мер к подавлению преступных деяний анархистов и изыскание средств для уврачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее».

Работы Комиссии и доклад Лорис-Меликова. По представлению Лорис-Меликова граф Толстой уволен от должности министра народного просвещения и сменен *Сабуровым*, и от должности обер-прокурора Синода — сменен *Победоносцевым*.

22 мая умерла Мария Александровна, 28 мая ее похороны. Между тем террористиче-

ская деятельность продолжается (приготавливается царубийство около Окуловки; подушки с динамитом под Каменным мостом на Екатерининском канале).

В начале августа Лорис-Меликов сделан министром внутренних дел. Сенатская ревизия 9-ти губерний (27 августа 1880).

17 августа Александр II уезжает в Ливадию, а 30-го жалует Лорис-Меликову Андрея Первозванного. 28 ноября Александр II возвращается в Петербург. Указ Сенату об отмене акциза на соль (с 2 января 1881 г.).

1881. В конце января Лорис-Меликов «свидетельствует во всеподданнейшем докладе о благотворных последствиях принятия правительством системы постепенного возвращения государственной жизни к правильному течению». При этом он говорит, что «реформы не закончены», и предлагает «временные подготовительные комиссии наподобие организованных в 1859 г. редакционных комиссий с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению, с участием лиц, взятых из среды земства и некоторых значительных городов».

«В конце декабря 1880 года счастливая случайность вызвала в Петербурге арест главного вожака шайки Александра Михайлова[18], после чего руководство ею перешло в руки Андрея Желябова»...

Книга кончается описанием приготовления и совершения 1 марта.

Из остальных частей книги — на будущее: планы Жуковского (*воспитание царя* — что это?): трогательная и милая дворцовая обстановка «маленького Саши» (Александр II родился 17 апреля 1818 года).

Всю жизнь Александр II плакал, молился, просил и благодарил бога. Этому много способствовал Жуковский — по всей вероятности, его рука — на всем последующем. Впрочем, и Николай плакал «августейшими слезами».

Смерть наследника — сына Александра II (Николая Александровича) в 1865 г., весной.

Первое покушение на Александра II — 4 апреля 1866 — у Летнего сада (крестьянин Осип Комиссаров ударяет Каракозова по руке с пистолетом)... Комиссаров потом был в гусарах, получил деньги, с ним возились. Гренадерская часовня — ее история.

1861. Сильные студенческие волнения осенью в Петербурге. Призывают войска, уличные демонстрации. Прокламации «Молодой России». Пожары в Петербурге.

«Польская смута» (1861-62. — Лето 1860 — политические манифестации в Варшаве). «Слабость» наместника (М. Д. Горчаков). Воззвания, телеграммы Александра II и наместника, маркиз Велепольский. Стрельба на улицах. Смерть старого Горчакова. Сухозанет. Осадное и военное положение в Варшаве и в Царстве Польском. Велепольский зимой 1861-62 г. в Санктпетербурге. Великий князь наместник, покушение на него и на Велепольского.

Адрес польских дворян, высылка графа Андрея Замойского. Новые демонстрации. «Воруженный мятеж» в начале января 1863 года — на всю западную окраину России («от Вислы и Буга до Западной Двины и Днепра»).

«Рекрутский набор произведен в Варшаве в ночь со 2 на 3 января 1863 г. По распоряжению Совета управления Царством Польским имели поступить в рекруты те из подлежащих военной службе поляков, которые были

известны как участники уличных демонстраций и революционных беспорядков. Но, предупрежденные своими сообщниками — чиновниками, состоящими на государственной службе, молодые люди эти успели бежать из Варшавы и, собравшись в окрестных лесах, образовали первые мятежные шайки, вооруженные косами, ножами, саблями, отчасти охотничьими ружьями и пистолетами» (то же в в других местах в несколько дней). Подпольный центральный комитет издал призыв к общему повстанью. Нападение на русские войска.

Русские летучие отряды.

«Мощным выразителем одушевления русского общества, поборником единения всех русских людей с Верховной Властью в общем деле отстаиванья державных прав России, ее чести в достоинства, явился в новорожденной бесцензурной русской повременной печати издатель „Московских ведомостей“ М. Н. Катков. Пламенная речь этого даровитого и убежденного писателя поколебала и скоро совсем вытеснила влияние либеральных органов и заграничных выходцев, которым из-

вестная часть русского общества подчинялась дотолем...» (!!!),

Муравьев и граф Берг. «Под страхом денежных штрафов женщины сняли траур и облеклись в цветные наряды». К 1 мая повстанье уничтожено.

Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (СПб., 1905). (1858-64 года главным образом).

Петербургский университет — сходки, студенческие нравы, отношение к крестьянской реформе, польская партия, профессора, женщины в университете, Литературный фонд, вечера (Тиблена и др.), петербургские пожары и «Земля и Воля» 1861-62 годов.

Около трети студентов (400–500 человек) — поляки. Петербургские события 1861 г. — панихида в католическом соборе по пяти убитым в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля, — и похороны Шевченки 28 февраля.

Штатское платье у студентов (форма отменена официально в 1861).

Л. Ф. Пантелеев был арестован в декабре

1864 и вернулся в Россию только в 1875.

Дурное о Некрасове, о чтении Некрасова, Тургенева, Майкова, Полонского. «Ревизор» в исполнении литераторов (14 апреля 1860).

Либерализм среди военных (офицеров).

А. Тун. История революционных движений в России. Перевод Веры Засулич, Д. Кольцова и др. Изд. «Библиотеки для всех» О. И. Гутенберга. С дополнением нескольких русских статей.

Эту книгу надо иметь.

Книга написана около 1883 г. Период 1879–1881 — «формальная война между правительством и загадочным Исполнительным комитетом».

Лев Дейч (один из трех главных участников Чигиринского дела — Стефанович и Боханский) бежал из Киевской тюрьмы за границу и летом 1884 г. был выдан России и отправлен на каторгу. В те годы немцы с русскими революционерами не церемонились.

Плеханов говорит: наследство революционеров 70-х годов было чрезвычайно велико и *незаменимо* в практическом смысле, «но в

теоретическом отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как наследство, завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла „русский социализм“ бакунинского или лаероеского оттенка от научного социализма Западной Европы».

Есть книга Розена — «Воспоминания русского декабриста».

Трогательная брошюра Савенковой («Годы скорби»).

Князь В. Мещерский. Воспоминания. Том I.

I том, вообще, очень интересен, но из него мне нужны только «словечки».

«Человечество — какая страшная стихия!» (стр. 451 — это и Мещерский!).

О тяжести положения Александра Александровича, когда умер брат (450).

Стр. 448. Рассуждения Мещерского, почему лучше Александр Александрович как царь, чем его брат.

Александр II идет на буфетчика (бить? — стр. 436).

Разочарованность в людях государя — 434, 338.

«Недостаток в людях».

Слова цесаревича о смерти (378).

Признания цесаревича о тоске и бессоннице (381). У Саши (Александра III) — «чистая и спокойная душа» (слова цесаревича — 381).

Весь том — удивительная иллюстрация царской жизни — ее тяжелой безвыходности. «Царскосельский затвор» — слова цесаревича (356). Тепличность, уют, серьезность временами во дворце — в противоположность нигилизму департаментов. «Чудная поэзия» — это дворцовое, придворное, царская ласка, — для Мещерского. «Неприветливая проза» — это жизнь. Александр II пьет всегда Moselwein mousseux[19].

Страшный Дубельт (329).

Князь Суворов — 307 и др. («индискретный болтун»). Также — 235.

Канцлер Горчаков. Какое впечатление произвели на Мещерского «нигилисты» — 154. «Распущенность интеллигенции» (246 — по поводу польского восстания).

Огрицко — чиновник.

Мое: Благотворное отсутствие газет (начало 60-х годов-212).

Упорная, скучная, каждодневная, холодная и опасная работа: мужик в шинели тащит пушку на Балканы, греет руки, притопывает ногами от мороза, хрюкает во сне от жара, вскакивает, разбуженный толчком, умирает от пули, стонет и кричит от неистовой боли; «в результате» — на лбу врезается надпись: Плевна, Рушук, Шипка, Горный Дубняк, Филиппополь. Называется это — военная слава. И действительно, когда идут по Забалканскому и т. д. — на каждом штыке цветы, веселый сентябрьский день — солнечный — праздник, ликование, любопытство.

С. Г. Сватиков, Общественное движение в России (1700–1895). 60 коп. (Изд. «Донской речи» — цензуровано в 1905 г. в Ростове-на-Дону).

Изложение политических проектов и программ.

Конец 60-х и 70-е годы — отсутствие конституционных заявлений по причине органической реакции, охватившей общество после

разрешения основной реформы — освобождения крестьян. Консервативные элементы в 62-м году использовали петербургские пожары («Современник», «Русское дело», Чернышевский, Писарев, Шелгунов), в 1866-м — покушение Каракозова (его повешенье, прекращение «Современника» и «Русского слова», ушел в отставку Суворов («либеральный» петербургский генерал-губернатор), министр народного просвещения Головнин, министр внутренних дел Валуев). Всё больший раскол между либералами и радикалами.

Земские пожелания и общественный разброд после 1 марта. Из речи Ивана Аксакова в Славянском обществе 28 марта: «Мы подошли к самому краю бездны. Еще шаг в том направлении, в котором с таким преступным легкомыслием мы двигались до сих пор, и — кровавый хаос». «Пора домой» славянофилов.

Записки, поданные Лорис-Меликову маркизом Велепольским, Б. Чичериным и А. Градовским — о сохранении самодержавия. Вопрос пока оставлен открытым. Лорж-Меликов еще надеется на «совещательную комиссию представителей»...

После 1 марта градоначальником назначен

Н. П. Баранов (скоро сменен). В конце апреля уже участь народных представителей и Лорис-Меликова решена.

Избран, однако, лозунг славянофилов: *«самоуправляющаяся местная земля с самодержавным царем во главе»*. Впервые в России выходит в отставку не только «премьер», но и его «кабинет» (Абаза, Милютин, позже Сабуров).

Министр внутренних дел — граф Игнатъев. «Мечты» земцев. Вызов Игнатъевым «сведущих людей» не вызвал сочувствия земцев. Коронация (1883).

Министр внутренних дел — Толстой (во главе — Победоносцев, их поддерживает Катков), — *свергают* Игнатъева и Скобелева (поддерживаемых И. Аксаковым).

Восьмидесятые годы и первая половина девяностых.

Манифест 29.IV.1881 — о неуклонном охранении самодержавия.

14. VIII.1881 положение об усиленной и чрезвычайной охране.

1882 — временные правила о евреях (черта оседлости установлена).

1882 — временные правила о печати.

1 августа 1884 — университетский устав.

Преобразование военных гимназий в кадетские корпуса, правила о народных библиотеках-читальнях, воспреещение выдачи раз [личных] книг и журналов в публичных библиотеках, учреждение церковно-приходских школ.

Земские начальники («близкая к народу твердая правительственная власть»).

Изменение судебных установлений (относительно суда присяжных).

1889. *Уничтожение* (почти) выборности мирового суда.

1890. Новое положение о земских учреждениях.

1892. Новое городское положение. Преследования крайних партий.

На докладе министра внутренних дел о (непринятом) адресе тверского земства (1894) Николай II написал: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой 35 гласных губернского земского собрания».

17 января 1895 — прием депутатий. Государь прочел речь: «... Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Мих. Лемке. Политические процессы Михайлова, Писарева и Чернышевского (по неизданным документам). СПб., 1907 (изд. Поповой).

Было в первых пяти книгах «Былого». Здесь напечатаны (с пропусками) прокламации 60-х годов — «К молодому поколению», «Молодая Россия», «Предостережение» (по поводу петербургских пожаров 1862), «Воззвание к барским крестьянам».

«Вестник Европы» 1878 г., № 1. Статья «Официальная Турция в лицах». Автор (В. И. Смирнов) пишет буквально то, что писали о

японцах *после* войны (о том, что турки, которые казались прежде «отребьем мира, жалким исчадием человеческого рода», «показали себя не только отчаянными воителями, но и вооруженными превосходным оружием, ловко им управляющими, выставили замечательных полководцев, доказали полную самоотверженность...»).

«Вестник Европы», 1878, No№ 1 и 2. Стихи — Голенищева-Кутузова, Минского, «Ночи» Мюссе (С. Андреевский).

Письма Пушкина с предисловием Тургенева.

Корреспонденции Зола о французском театре и поэзии.

Роман Шпильгагена.

«Внутреннее обозрение» — о войне, о бюджете, о недостатках в армии, проявившихся во время войны, о небывалом внутреннем спокойствии в России.

Некролог Некрасова (27.XII.1877).

«Обозрение военных действий».

Комедия Потехина, статьи Ореста Миллера, Сергеевича, повесть Г. Данилевского.

Корреспонденции Е. Утина из Болгарии.

Из следующих №№ 1878 г. («внутреннее обозрение» и др.). — Наша печать была относительно свободна, не подвергалась административным карам за то, что писала, что наши («Крынковские») ружья хуже турецких (Пибоди и Мартини), что в войсках недоставало теплой одежды, что перевозка раненых на простых телегах сопровождалась многими страданиями.

Большой перерыв — праздность.

16. XII.<1911>

«Сборник военных рассказов 1877-78 г.»,

6 тт.

Подвигов наших волна Сказкой казарменной стала. (*Беранже-см. т, V, стр. 11*)

Из этого громоздкого издания, где жизнь преобладает над словами, я беру прежде всего — только европейскую Турцию, затем — только о выдающемся (просматривая бегло).

В глазах солдат и офицеров, возвратившихся с войны, еще стоят — раны, бледные лица, возбужденные глаза, зарева, белое знамя, взвившееся при свете пылающих соломенных избушек Горного Дубняка (V, 473).

Том III, стр. 267–268. Лейб-гвардии Гренадерский полк выступил из Петербурга в следующем составе:

Штаб и обер офицеров — 52.

Строевых нижних чинов -3.150.

Нестроевых -251.

В сражении под Горным Дубняком (12 октября) выбыли из строя (убиты и ранены) около *трети* нижних чинов и более *половины* офицеров.

Планы поэмы

24 февраля (1911)

У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и все сильнее в нем накапливалось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Всё разрастающиеся события были для него только образами разворачивающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова «революция», «мятеж»,

«анархия», «безумие». Здесь были красивые женщины «с вечно смятой розой на груди» — с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый «безумствовал», каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает. Однажды, с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бессельного и губительного существования, вбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно-надушенное, безграмотное и страстное... Потом он распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

Оставив все, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. «Жандармы, рельсы, фонари»... Первые впечатления Варшавы.

21 февраля 1913

Пролог («Жизнь без начала и конца»).

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это — фон. Семья и появление в ней «демона». Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: «бледна, взмучена, ребенок золотокудлый на руках».

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). Первая мазурка. Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. Вторая мазурка. «Ее» появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада. Эпилог. Третья мазурка. Где-то в бедной комнате, в каком-то городе растет мальчик. Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка.

21. IX.1913

Дед светел. В семью является демон, чтобы

родить сына (первый «отбор»).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь*. Опять война — и за нею революция. Встреча — как рыцарь, законный в броню, — лица не видно. Безумие холодной страсти, так и нет лица. Утром — записка: «Смертельно болен ваш отец».

Вся тоска — только для встречи с «простой». Все лицо, пленительное все. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

Октябрь 1913

В 70-х годах жизнь идет «ровно» (сравнительно. Лейтмотив — пехота). Это оттого, что деды *верят в дело*. Есть незыблемое основание, почва под ногами. Уже кругом — 1 марта. И вот — предвестием входит в семью «демон».

Октябрь 1911

...Но уже на все это глядят чьи-то холодные глаза. В дружной семье появляется «странный незнакомец»...

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье,

где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют, становятся равнодушнее, друзей не так много, и друзья уже не те — свободолюбивые, пламенные. Теперь — апухтинская нотка.

*Уж Александр Второй в могиле,
На троне — новый Александр.*

Семья, идущая как бы на убыль, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет, — растет не по-ихнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великопостные сумерки с трескающимся льдом и ветром. Петербург рождается новый, напророченный «обскурантом» Достоевским.

Пускай, наконец, «герой» воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели называть меня).

**План первой части
(1878–1881)**

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются от стен Цареграда. Их держали в карантине, довели до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулкова. Трибуны у Московской заставы, там императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят цветы и папиросы на «серые груди». Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов — всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У каждого солдата — букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город — по Забалканскому, Гороховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Московской заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще — голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах, кровь, холод, смерть, хуже смерти воровство интендантов.

В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным, пропасть, которая становится все глубже.[20]

10 октября <1911> на рассвете

Начало — на рубеже 70-80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянское, думы — светлые, чувства простые и строгие.

Реформы отшумели. Еще жива память об измене Каткова. Рядом «злится» Щедрин. Достоевский — обскурант.

Все заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова. Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (байронист) — предвестие индивидуализма, неудачник Александр Львович Блок. Приготавливается индивидуализм, это значит старинное «общественное» (миро держание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ*.

Вся суть в том, что *прелесть* той семьи так заметна, потому что все тогдашние прекрасные передовые русские люди носили в себе *мир* — при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна). То, что кажется «*наивным*» теперь, тогда не было наивно, но было сораспятием. Профессор лучших времен

Петербургского университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию*. То, что Щедрин говорит о современных ему урядниках и полицейских («Современная идиллия») — верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной «византийской» реакции — и сила светлая — русский либерализм. Единицы держат Россию, составляя «общественное мнение». -

Ну, а «Народная Воля»?

Итак, — священен кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты), — а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет «Жизнь животных» Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

*Гроб качается хрустальный...
Спит царевна мертвым сном.*

Внук читает с няней в дедушкином кабинете (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус), а на

другом конце квартиры веселится молодежь. Молодая мать, тройки, разношерстые молодые люди и кудластые студенты, и молодые военные (милютинская закваска), апухтинское: вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице — уютный, толстый снег, шампанское для молодости еще беспечной, не «раздвоенной», ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще все дешево и ямщицкий начай, и кабинет, и вдова Клико (кажется, в то время).

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот — его уже томит новое. Когда говеет гимназистом — синяя весна, сумерки, ладан, и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они — правы но-

визною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. И *они — предвестники лучшего.*

<1911>

После «*А мир прекрасен, как всегда.*»

Я стою ночью у решотки Саксонского сада и слышу завывание ветра, звон шпор и храп коня. Скоро все сливается и вырастает в определенную музыку. Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка.

Цынцырны — цынцырны — цынцырны — цыцы.

И пахнет клевером с берегов Немана. Что за чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские звуки. Меня пробуждает...

План дальнейшего <Январь 1911>

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спускался по Краковскому предместью, в том самок месте...

9-я глава: человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Все так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и «страна под бременем обид»...

Наброски продолжения второй главы

24 января 1921

*К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
В твои..... сцепленные зубы,
Пегас, протисну удила,
И если ты, заслышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,
Тебе исполосую спину
Моим узорчатым хлыстом,*

Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем те-
лом,
Дымясь, кося свои умный глаз
На победителя.....
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
Меня на отдых отвела...
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...
Сошли туман и темнота.
Настал блаженный вечер века.
Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок,
Грозу и бурю затаив
Среди широких ... складок
Туманного плаща времен.
Зарыты в землю бунтари,
Их голос заглушён на время.
Вооруженный мир, как бремя,
Несут безропотно цари.
И Крупн, несущий мир всем стра-
нам,
(Священный) страж святых мо-
гил,

Полнеба чадом и туманом
Над всей Европой закоптил.
И в русской хате деревенской
Сверчок, как прежде, затрещал.

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий
За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.
Навстречу тройке запыленной
Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо
(Раздался листьев шелест сон-
ный),
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому.

И сразу стало всё знакомо,
Как будто длилось много лет, —
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый,
синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом откры-
ли
(Ребенка внес туда старик),
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
Да звук какой-то заглушённый —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный, отдаленный,
Иль гул (неконченной) весны,
И потянулись вслед за звуком
(Который новый мир принес)
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась ...

Усадьба чья-то и ничья.
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи,
Стада белеют, серебруются
Далекой речки рукава
Телеги ... катятся
В пыли, и видная едва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поли...
И всей весенней красотой
Сияет русская земля...

Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце, здесь.....

Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сои.

*И жизни (редкие) уродства
(Которых нельзя было не заме-
тить)*

*Возбуждали удивление и не нару-
шали благородства
И строй возвышенный души.*

*Уж осень, хлеб обмолотили,
И, к стенке прислонив цепи,
Рязанцы к вейлке сложили
(Уже последние снопы).*

*Потом зерно в мешки ссыпают,
Белеющие от муки,
В телегу валят, и сажают
Наверх ребенка на мешки.*

*Мешков с десятков по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вшестером,
Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов —
Следят, чтоб внук неугомонный
Не соскользнулс мешков.*

*А внук сидит, гордясь немного,
Что можно править самому,
И по гумну на двор дорога
Предлинной кажется ему.
В деревне жилия только летом,*

А с наступленьем холодов...

*(Пред ним встают) идей Платона
Великолепные миры.*

*И гимназистам, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль зем-
ли!»*

*Семь лет гимназия толстовской,
Латынь и греки ...*

*Растет, растет его волнение,
...отчего*

*Уже туманное виденье
В ночи преследует его,
Он виснет над туманной бездной,
И в пропасть падает во сне
Ему призывы тверди звездной
В ночной понятны тишине,
Его манят заката розы,
Его восторгу нет конца,
Когда ... грозы ...*

*И под палящим солнцем дня
...на коня,*

*Высокий белый конь, ночуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,*

*Его выносит в ворота.
Стремян поскрипывают.....
Позвякивают удила,
Встречает жадными глазами
Мир, зримый с высоты седла.*

Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все большие и большие круги вокруг родной усадьбы. Все новые долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех холмов, то в большем, то в меньшем удалении — высокая ель на гумне и шатер серебристого тополя над домом.

Он проезжает деревни, сначала ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонила от солнца, взглянула и засмеялась — блеснули глаза и зубы — и отвернулась, и пошла плавно прочь. Он смотрит вслед, как она качает стан, и долго ничего не видит, кроме этих смеющихся зубов, и поднимает лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо — последние сараи, конопля, поля

ржаные, голубые полосы льна, — опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колеи, корни, из-за стволов старых смотрит большая заросль белой серебрянки, как дым, как видение.

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда весной, и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него; вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони он перестает быть мальчиком.

Январь и май-июль 1921

Наброски продолжения третьей главы

Так у решотки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...
Всё строже, громче вьюги вой
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежную постель,
И в нем тоску сменяет нега,
В его глазах стоит туман,
И столбики и струйки снега
(Вдруг) разрастаются в буран,
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств — летишь, ле-
тишь
В объятьях холода свинцовых...
Вдруг — бешеная голова
Коня с косматой белой гривой,
И седоусый, горделивый
Пан, разметавший рукава,
Как два крыла над непогодой
[Он шпорит дикого коня,
Его глазки как угли, алы]
...свободой.

Из-под копыт, уж занесенных
Над обреченной головой,
Из-под удил коня вспененных,

*Из снежной тучи буревой
Встает виденье девы юной,
Всё — ... всё — нежность, всё —
призыв,
И голос, точно рокот струнный.
Простая девушка пред ним...*

*Как называть тебя? — Мария.
Откуда родом ты? — С Карпат.*

— **М**не жить надоело. — Я тебя не оставлю. Ты умрешь со мной. Ты одинок? — Да, одинок. — Я зарюю тебя там, где никто не узнает, и поставлю крест, и весной над тобой расцветет клевер.

*— Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеятся молодые
И нежные твои уста?
Какою ... думой...*

*— Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа.
Твоя тоска..... пройдет.
Где мы? — Мы далеко, в предместьи,
Здесь нет почти жилых домов.*

Скажи, ты думал о невесте?
— Нет, у меня невесты нет.
— Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.

*Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И всё, что было, отступает
И исчезает (в забыты).*

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, [никогда] не совершенному, растворяется на груди этой женщины.

*Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того ...
Того, что должен был свершить.*

Май-июль 1921

К поэме «Двенадцать»

Из «Записки о двенадцати»

...В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая за-

воду, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря, — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над ними. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920

Переводы из Гейне, редактированные А. Блоком

«Глаза мне ночь покрыла...»

*Глаза мне ночь покрыла,
Рот придавил свинец,
В гробу с остывшим сердцем
Лежал я, как мертвец.*

*Как долго, я не знаю,
Проспал я так, но вдруг
Проснулся я и слышу:
В мой гроб раздался стук.*

*«Ты хочешь встать, мой Генрих?
День вечный засиял,
Все мертвые воскресли,
Век радости настал».*

*Любовь моя, не в силах,
Горячая слеза
Давно уж ослепила,
Выжгла мои глаза.*

*«Хочу я с глаз, мой Генрих,
Лобзаньем ночь прогнать;
И ангелов, и небо*

Ты должен увидеть».

Любовь моя, не в силах,
Струится кровь рекой,
Ты сердце уколола
Мне словом, как иглой.

«Тихонько сердце, Генрих,
Рукой закрыть позволъ;
И кровь не будет литься,
Утихнет сразу боль».

Любовь моя, не в силах,
Пробит насквозь висок;
Стрелял в него я, знаешь,
Когда украл тебя рок.

«Я локонами, Генрих,
Висок могу зажать,
И кровь уйдет обратно,
И будешь здоров опять».

Так сладостно просила,
Не мог я устоять;
Хотел навстречу милой
Подняться я и встать.

Тогда раскрылись раны,

*Рванулся из груди
Поток бурлящей крови,
И я воскрес — гляди!*

«Жил был король суровый...»

*Жил был король суровый,
Старик седой, угрюм душой;
И жил король суровый
С женою молодой.*

*И жил был паж веселый,
Кудряв, и юн, и смел душой;
Носил он шлейф тяжелый
За юной госпожой.*

*Ты помнишь эту песню?
Она грустна, она светла!
Они погибли вместе,
Любовь обоих сожгла.*

Поле битвы при Гастингсе

*Аббат Вальдгэма тяжело
Вздыхнул, смущенный вестью,
Что саксов вождь — король Га-
рольд —
При Гастингсе пал с честью.*

И двух монахов послал аббат, —

Их Асгот и Айльрик звали, —
Чтоб тотчас на Гастингс шли
они
И прах короля отыскали.

Монахи пустились печально в
путь,
Печально домой воротились:
«Отец преподобный, постыла нам
жизнь
Со счастьем мы простились.

Из саксов лучший пал в бою,
И Банкерт смеется, негодный;
Отребье норманнское делит
страну,
В раба обратился свободный.

И стали лордами у нас
Норманны — вшивые воры.
Я видел, портной из Байе гарцо-
вал,
Надев золоченые шпоры.

О, горе нам и тем святым,
Что в небе наша опора!
Пускай трепещут и они,
И им не уйти от позора.

Теперь открылось вам, зачем
В ночи комета большая
По небу мчалась на красной мет-
ле,
Кровавым светом сияя.

То, что пророчила звезда,
В сражении мы узнали.
Где ты велел, там были мы
И прах короля искали.

И долго там бродили мы,
Жестоким горем томимы,
И все надежды оставили нас,
И короля не нашли мы».

Асгот и Айльрик окончили речь;
Аббат сжал руки, рыдая,
Потом задумался глубоко
И молвил им, вздыхая:

«У Гринфильда Скалу Певцов
Лес окружил, синяя;
Там в ветхой хижине живет
Эдит, Лебяжья Шея.

Лебяжьей Шеей звалась она
За то, что клонила шею

Всегда, как лебедь; король Гарольд
За то пленился ею.

Ее он любил, лелеял, ласкал,
Потом забыл, покинул.
И время шло, шестнадцатый год
Теперь тому уже минул.

Отправьтесь, братья, к женщине
той,
Пускай идет она с вами
Назад на Гастингс — и женский
взор
Найдет короля меж телами.

Затем в обратный пускайтесь
путь.
Мы прах в аббатстве скроем, —
За душу Гарольда помолимся все.
И с честью тело зароем».

И в полночь хижина в лесу
Предстала пред их глазами.
«Эдит, Лебязья Шея, встань
И тотчас следуй за нами.

Норманнский герцог победил,
Рабами стали бритты,

*На поле Гастингском лежит
Король Гарольд убитый.*

*Ступай на Гастингс, найди его, —
Исполним наше дело, —
Его в аббатство мы снесем,
Аббат похоронит тело».*

*И молча поднялась Эдит,
И молча пошла за ними.
Неистовый ветер ночной играя
Ее волосами седыми.*

*Сквозь чашу леса, по мху болот
Ступала ногами босыми,
И Гастингса меловой утес
Наутро встал перед ними.*

*Растаял в утренних лучах
Покров тумана белый,
И с мерзким карканьем воронье
Над бранным полем взлетело.*

*Там на поле тела бойцов
Кровавую землю устлали,
А рядом с ними в крови и пыли
Убитые кони лежали.*

*Эдит, Лебязья Шея, в кровь
Ступала босою ногою,
И взгляды пристальных глаз ее
Летели острой стрелою.*

*И долго бродила среди бойцов
Эдит, Лебязья Шея,
И, отгоняя воронье,
Монахи брели за нею.*

*Так целый день бродили они,
И вечер приближался,
Как вдруг в вечерней тишине
Ужасный крик раздался:*

*Эдит, Лебязья Шея, нашла
Того, кого искала.
Склонясь, без слов и без слез она
К его лицу припала.*

*Она целовала бледный лоб,
Уста с запекшейся кровью,
К раскрытым ранам на груди
Склонялася с любовью.*

*К трем малым рубцам на плече
его
Она прикоснулась губами, —*

*Любовной памятью были они,
Прошедшей страсти следами.*

*Монахи носилки сплели из ветвей,
Тихонько шепча молитвы,
И прочь понесли своего короли
С ужасного поля битвы.*

*Они к Вальдгэму его несли.
Спускалась ночь, чернея,
И шла за гробом своей любви
Эдит, Лебяжья Шея.*

*Молитвы о мертвых пела она,
И жутко разносились
Зловещие звуки в глухой ночи.
Монахи тихо молились.*

«Весенней ночи прекрасный взор...»

*Весенней ночи прекрасный взор
Так кротко меня утешает:
«Любовь обрекла тебя на позор
И вновь тебя возвышает».*

*На липе молодой поет
Так сладко Филомела;
Мне в душу песнь ее течет, —
И, ширясь, душа запела.*

**«Люблю я цветок, но не знаю
который...»**

*Люблю я цветок, но не знаю кото-
рый;
Томлюсь, грущу;
Склонив в цветочный венчик взо-
ры,
Сердца ищу.*

*Благоухают цветы на склоне
Угасшего дня;
Ищу я сердца еще влюбленной,
Чем у меня.*

*Поет соловей, и слышу в пеньи
Подавленный стон.
И плачу я, и он в томленьи,
И я, и он.*

«Все деревья зазвучали...»

*Все деревья зазвучали,
Гнезда все запели вместе —
Кто ж, однако, капельмейстер
В этом девственном оркестре?*

*Или важный серый чибис?
Он кивает носом вечно.
Или тот педант, который*

В тон кукует безупречно?

*Или аист, — он серьезно,
Как заправский дирижер,
Длинной хлопает ногою,
Направляя общий хор?*

*Нет, уселся капельмейстер
В сердце собственном моем,
Чувствую, как такт он держит,
Узнаю Амура в нем.*

«В начале был лишь соловей...»

*«В начале был лишь соловей,
Он пел свое: цюкют! цюкют!
С тех пор побеги трав нежней,
Фиалки, яблони цветут.*

*Он клюнул в грудь себя, и вот
Течет из красной раны кровь,
Куст роз из крови той растет,
Ему поет он про любовь.*

*Всех нас, лесных пернатых, здесь
Сроднил своею кровью он;
По смолкнет розе песнь — и весь
Наш лес на гибель обречен».*

*Так старый воробей твердит
В гнезде сынишке своему;
На первом месте мать сидит
И от себя пищит ему.*

*Вот мастерица, хоть куда,
Детей высиживать своих;
Старик от скуки иногда
Закону божью учит их.*

«Весенней ночью, в теплый час...»

*Весенней ночью, в теплый час
Так много цветов народилось!
За сердцем нужен глаз да глаз,
Чтоб снова оно не влюбилось.*

*Теперь который из цветов
Заставит сердце биться?
Велят мне напевы соловьев
От лилии сторониться.*

«Ах, я слез любовных жажду...»

*Ах, я слез любовных жажду,
Жажду нежно-скорбных снов,
И боюсь, что эту жажду
Утолю в конце концов.*

Ах, небесной муке сладкой

*Вновь любовь открыла путь,
Яд любви проник украдкой
В неокрепнувшую грудь.*

«Глаза весны синеют...»

*Глаза весны синеют
Сквозь нежную траву.
То милые фиалки,
Из них букет я рву.*

*Я рву их и мечтаю,
И вздох мечты моей
Протяжно разглашает
По лесу соловей.*

*Да, всё, о чем мечтал я,
Он громко разболтал;
Разгадку нежной тайны
Весь лес теперь узнал.*

«Мечтательно лилея...»

*Мечтательно лилея
Взирает на небо из вод;
Привет тоски любовной
Ей с неба месяц шлет.*

*Она свою головку
Стыдливо клонит к волнам —*

*А бедный бледный мечтатель
У ног ее уже там.*

«Если только ты не слеп...»

*Если только ты не слеп,
Погляди в мои напевы:
Ты увидишь, там блуждает
Дивный образ юной девы.*

*Если только ты не глух,
Услыхать и смех сумеешь,
От ее вздыханья, пенья
Сердцем, бедный, поглупеешь.*

*Взором, голосом ее,
Как и я, обвороженный,
Будешь ты в мечтах весенних
По лесам бродить, влюбленный.*

«Что ночью весенней носишься ты?...»

*Что ночью весенней носишься
ты?
Ты свел совсем с ума цветы.
Фиалки перепугались!
И розы все от стыда красны,
И лилии все, как смерть, бледны,
Робеют, поникли и сжались!*

*О, месяц, сколько ханжества
В семье цветов! И она права,
Достоин я наказания!
А кто же знал, что они следят,
Как я, восторгом любви объят,
Звездам поверял мечтанья?*

«Снова сердце покорилося...»

*Снова сердце покорилося,
Гнев и злоба — всё минуло;
Снова нежных чувств истому
Ты, весна, в меня вдохнула.*

*По исхоженным аллеям
Снова день и ночь слоняюсь
И под каждой женской шляпкой
Милый лик найти стараюсь.*

*На мосту торчу я снова
Над Зеленою рекою —
Может быть, проедет мимо,
Переглянется со мною.*

*Снова в шуме водопада
Тихим жалобам внимаю,
Разговоры белых струек
Чистым сердцем понимаю.*

*И в мечтах блуждаю снова
По тропинкам потаенным,
И кажусь кустам и птицам
Дураком опять влюбленным.*

«Тебя люблю я — неизбежно...»

*Тебя люблю я — неизбежно
Мне удалиться — не сердись.
Цветущий образ твой и нежный
И мой печальный — не сошлись!*

*Я от любви к тебе стал хворый
И отоцал совсем, — взглядишь!
Тебе я буду гадок скоро, —
И удаляюсь, — не сердись!*

«Разве прежде сны не снились...»

*Разве прежде сны не снились,
Тем же счастьем волнуя?
Или вправду изменились
Розы, взоры, поцелуи?*

*Не светил ли нам двурогий
Месяц сквозь листву в трельяже?
Разве мраморные боги
Не стояли там на страже?*

Слишком нежный сон, я знаю,

*Вид свой скоро изменяет, —
Точно риза снеговая
Розу, сердце одевает;*

*И тогда мы сами стынем
И друг друга забываем, —
А с какой любовью ныне
Сердце к сердцу прижимаем!*

«Поцелуями в потемках...»

*Поцелуями в потемках
Обменяться, не дыша, —
Сколько счастья в этом видишь,
Ты, влюбленная душа!*

*И твое воображение
Разгорается притом,
День грядущий прозревая,
Вспоминая о былом.*

*Но рискованно, целуясь,
Слишком много размышлять...
Лучше плакать, друг мой милый,
Слезы легче проливать!*

«Утром шлю тебе фиалки...»

*Утром шлю тебе фиалки,
В роще сорванные рано;*

*Для тебя срываю розы
В час вечернего тумана.*

*Ты поймешь, конечно, эту
Аллегорю цветную?
Оставайся днем мне верной
И люби порой ночьюю.*

«Цветут желанья нежно...»

*Цветут желанья нежно
И блекнут они в груди,
И вновь цветут и блекнут
А там и в гроб иди.*

*И всё это очень мешает
Веселью и любви;
Умен я и так остроумен,
А сердце мое в крови.[21]*

«Протянулось надо мною...»

*Протянулось надо мною
Небо, точно старец хилый —
Красноглазый, с бородою
Поседелых туч, унылый.*

*Только он на землю глянет,
Цвет весенний отцветает,
Даже песня в сердце вянет,*

Даже радость умирает.

**«Застыло сердце в скуке
безотрадной...»**

*Застыло сердце в скуке безотрад-
ной,
В холодный мир вступаю, как чу-
жой,
В исходе осень, и туманной мглой
Окутан край окрестный непри-
глядный.*

*И ветер, воя, вьет с тоскою жад-
ной
И покрасневших листьев крутит
рой, —
Вздыхает лес, дымится луг нагой,
К тому же, дождик — беспощад-
ный.*

«Небо, как всегда, невзрачно!..»

*Небо, как всегда, невзрачно!
Город — всё в нем, как и было!
Он глядится в Эльбу — мрачно,
Обыденно и уныло.*

*Все носы, как прежде, длинны
И сморкаются тоскливо;*

*Гнут ханжи всё так же спины,
Или чванятся спесиво.*

*Юг прекрасный! Я тоскую
По богам твоим, по свету,
Наблюдая мразь людскую,
Да еще в погоду эту!*

«Что я любим, я знаю...»

*Что я любим, я знаю,
И знал уже давно;
Но тем, что ты призналась,
Испуган всё равно.*

*Я поднимался в горы,
И пел, и ликовал;
У моря на закате
Я слезы проливал.*

*И сердце, точно солнце,
Расплавленное, жжет,
И, пышно и огромно,
В моря любви плывет.*

«Мы здесь построим на скале...»

*Мы здесь построим на скале
Храм третьего завета:
Нам третий, новый дан завет;*

Страдание отпето.

*Душа от двойственности злой
Навек освободилась,
И наконец-то глупость мук
Телесных прекратилась!*

*Ты слышишь бога в мраке волн?
Стоусто он вещает.
Над нашей головой мильон
Его огней сверкает!*

*Его присутствие равно
И свет и мрак волнует;
Бог — всё, что в них заключено;
Он в нашем поцелуе.*

«Над побережьем ночь сереет...»

*Над побережьем ночь сереет,
Звезды маленькие тлеют,
Голосов протяжных звуки
Над водой встают и реют.*

*Там играет старый ветер,
Ветер северный, с волнами, —
Раздувает тоны моря,
Как органными мехами.*

*Христианская звучит в них
И языческая сладость,
Бодро ввысь взлетают звуки,
Чтоб доставить звездам радость.*

*И растут всё больше звезды
В исступленном хороводе,
Вот, огромные, как солнца,
Зашатались в небосводе.*

*Вторая музыке из моря,
Песни их безумно льются:
Это соловьи-планеты
В светозарной выси вьются.*

*Слышу мощный шум и грохот,
Пенье неба, океана,
И растет, как буря, в сердце
Сладострастье великана.*

«Взыскан я улыбкой бога...»

*Взыскан я улыбкой бога,
Мне ль уйти теперь в молчанье,
Мне, который пел так много
В дни несчастий о страданье?*

Мне юнцы в стихонках скверных

*Подражали безотрадно,
Боль страданий непомерных
Умножая беспощадно!*

*Соловьиный хор прекрасный,
Что в душе ношу всегда я,
Лейся буйно, громогласно,
Всех восторгом заражая!*

«Жил я верою одною...»

*Жил я верою одною
В то, что поцелуи жен
Нам назначены судьбою
От начала всех времен.*

*Целовать и целоваться
Так серьезно я умел,
Точно должен был стараться
Над решением важных дел.*

*Ныне я отлично знаю
Поцелуев суету, —
В них не верю, не мечтаю
И целую на лету.*

«Вдвоем на уличном углу...»

*Вдвоем на уличном углу
Час целый мы стояли,*

*И о союзе наших душ
Мы нежно рассуждали.*

*Свою взаимную любовь
Сто раз мы подтверждали;
Стоять на уличном углу
Мы всё не прекращали.*

*Богиня Случая меж нас
Субреткой проскользнула,
Увидела, что мы стоим,
И, прыснув, упорхнула.*

«Не знаю, что стало со мною...»

*Не знаю, что стало со мною, —
Печалью я смущен;
Душе не дает покою
Преданье старых времен...*

*Прохладой сумерки веют,
Спокойно Рейн течет;
Закатной зарей алеют
Края крутых высот.*

*И там над крутизною
Девушка — чудо красы —
Одеждой горит золотою
И чешет злато косы.*

Золотым убирает гребнем
И песнь поет она;
Мелодия этой песни
Могуча и чудна.

Пловец на лодочке малой
Тоскует, таит мечту;
Забыл он подводные скалы, —
Глядит лишь туда, в высоту...

Погибнет в волнах без сомненья
Пловец с его челноком;
И знаю — Лорелей пенье
Виновно будет в том.

«Глядели мы в море, сидя...»

Глядели мы в море, сидя
У дома рыбака;
Вставал туман вечерний,
Сгущался в облака.

Один за другим загорелись
Огни на маяке,
Еще корабль был нами
Замечен вдалеке.

Шла речь о бурях, крушеньях,
О моряке, — всегда

*С ним делят печаль и радость
Лишь небо и вода.*

*О севере и о юге,
О берегах иных,
О странных и дальних народах,
О странных обычаях их.*

*На Ганге — свет, ароматы,
Громадный лес цветет;
Пред лотосом склонился
Красивый, тихий народ.*

*В Лапландии грязные люди
На корточках тупо сидят
И жарят на вертеле рыбу,
Пискливо кричат и визжат.*

*Девицы мне внимали,
Умолкли мы все затем;
И корабля не видно —
Стемнело уж соеем.*

«ЗЛАТИТ СИЯНЬЕМ ВОЛНЫ...»

*Златит сияньем волны
Взошедшая луна;
Я с милой, счастья полный,
В сердцах растет волна.*

В объятьях девы нежной
Рад отдохнуть бы я...
«Что слушаешь, ветер мятеж-
ный?
Трепещет рука твоя...»

«Не ветер это мятежный, —
Русалок подводный хор,
В пучине вод безбрежной
Погибнувших сестер».

«Вечер пришел безмолвный...»

Вечер пришел безмолвный,
Над морем туманы свились;
Таинственно шепчутся волны,
Вырастают белые ввысь.

Растет русалка из глуби,
Садится на берег со мной;
Трепещут белые груди
За ее прозрачной фатой.

Почти до боли душит,
В объятьях тесных жмет, —
Ты так меня задушишь,
Краса глубоких вод!

«К тебе я прижалась крепко,

*Я крепко тебя обняла:
Хочу с тобой согреться, —
Прохладна ночная мгла».*

*А месяц всё тускнеет
Средь облачных высот, —
Твой взор туманный влажнеет,
Краса глубоких вод!*

*«О, нет, тебе показалось,
Он влаги туманной полн
Затем, что в нем капля оста-
лась,
Когда я росла из волн».*

*Стон чаек неустанный,
Прибой бушует, ревет, —
Дрожит твое сердце странно,
Краса глубоких вод!*

*«Дрожит мое сердце странно,
Мой трепет всё сильней.
Ведь я люблю несказанно
Тебя, краса людей!»*

*В лучах вечерних вал сверкал,
Края небес алели;
Вдвоем у дома рыбака*

Мы долго молча сидели.

*Вставал туман из волн седых,
И чайки над ними кружились;
Из ласковых очей твоих
Слезы, дрожа, струились.*

*Текли на пальцы твоей руки,
И низко я склонился;
И чистых слез, прекрасных слез
С твоей руки напился.*

*С тех пор я вяну, с тоски зачах,
С печали умираю;
Несчастливая, в твоих слезах
Была мне отравой злая.*

«Они любили друг друга...»

*Они любили друг друга,
Но каждый об этом молчал:
Встречались всегда врагами,
И каждый в любви изнывал.*

*Они расстались, и только
Встречались в виденьи ночном;
Они давно скончались
И сами не знали о том.*

«Щекой к щеке моей прижмись...»

*Щекой к щеке моей прижмись,
...слезами
И сердцем к сердцу крепко льни,
Взовьется взаимное пламя!*

*Когда к высокому костру
Слезы хлынут рекою,
В блаженной муке я умру,
Обвив тебя рукою.*

1919⁻¹⁹²¹

Примечания

Се — человек! (лат.). — Ред.

[^^^]

Яд (лат.). — Ред.

[^^^]

Негодование рождает стих.

Ювенал. Сатиры, I, 79

(лат.). — Ред.

[^^^]

4

Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратно минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом.
(Лат.). — Ред.

[^^^]

Нынче вечером (итал.). — Ред.

[^^^]

6

Прекрасная (итал.) — распространенное в Италии название Флоренции. — Ред.

[^^^]

Кинематограф (франц.). — Ред.

[^^^]

Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви (лат.). — Ред. г

[^^^]

«В полную меру» (лат.) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена. — Ред.

[^^^]

Мост Вздохов (итал.). — Ред.

[^^^]

Сално — горная местность в турецкой Армении.

[^^^]

Мильда — богиня любви в латышской мифологии.

[^^^]

Это стихотворение (вступительное к «Рассказам Фенрика Столя») стало финским национальным гимном.

[^^^]

Из «Песен птички» («*Sylvias visor*»). Кангасала — в Тавастгусской губ. (недалеко от Таммерфорса). В тексте — названия озер, которые видны с горы Харьюла.

[^^^]

По структуре стиха и по некоторым оборотам языка приписывается Амфитеатрову. Во французском переводе пьеса называлась «Arlequine poli par litterature» («Арлекин, приглаженный литературой».) — Ред.

[^^^]

«Английские фрагменты» (нем.). — Ред.

[^^^]

На стрелке (франц.).

[^^^]

Если не ошибаюсь, ужасные подробности его убийства — в ватер-клозете? Вспомнить.

[^^^]

Сорт вина.

[^^^]

Последний абзац перечеркнут в рукописи
знаком вопроса.

[^^^]

Вариант последней строфы:

*И всё это мне омрачает
И радость и любовь;
Мое сердце так остроумно,
Однако теряет кровь.*

[^^^]